

Вячеслав Жуков

По следу коршуна

КРИМИНАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Вячеслав Владимирович Жуков

По следу коршуна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2805965

Аннотация

«Футбольный матч давно закончился, и по российскому каналу крутили очередной сериал про ментов. Стрельба. Сплошные погони. Крики отчаянья. Все это не производило того эффекта, на который рассчитывали авторы фильма. И Федор почувствовал отвращение. Уж слишком много неоправданной надуманности. В реальной жизни все намного острее, болезненней. И люди умирают по-настоящему, вот как сегодня Нельсон. А кто-то, как он, остается, чтобы отомстить. Жалко, что Нельсон не успел ничего толком объяснить. И неизвестно, чем еще все это обернется для Федора...»

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	22
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	53
Глава 8	58
Глава 9	61
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Вячеслав Жуков

По следу коршуна

Глава 1

Даша не стала звонить, открыла дверь своим ключом. Уверена была, что Федора дома нет. И каково же было ее удивление, когда, войдя, она увидела доблестного майора сидящим на диване перед телевизором. Сидит майор, и так увлекся, что глаз не отведет от экрана.

Ну, как тут не рассердиться? Она после работы зашла в два магазина, набила продуктами здоровенную сумку, чтобы приготовить вкусненький ужин для своего майора. А он вот, пожалуйста, сидит себе на диванчике, положила ногу на ногу, и не может оторваться от экрана. Даже не услышал, как она вошла. Хотя мог и сам проделать всю эту несложную манипуляцию с посещением магазина и покупкой продуктов. Должно же у него, в конце концов, быть сочувствие к женщине. Мог бы и он потаскать тяжеленные сумки. Но тут же Даша усомнилась, что когда-нибудь подобное произойдет. Все мужчины по своей природе безжалостные эгоисты по отношению к женщине. И, к сожалению, ее любимый майор не исключение. И в ее положении остается только мириться с этим. А что еще делать? Ну, повздыхать себе в утеху. Можно еще, конечно, попытаться пристыдить своего любимого за невнимательность, напомнить про забытое обещание, всю жизнь носить ее на руках. Тут уж как говорить, бог с ним. Что поделаешь, если эти самцы, чтобы овладеть желанной женщиной, готовы и не на такое. Пожалуй, без этого Даша вполне может прожить. Но вот с чем ей трудно примириться, так это с нудным простаиванием в очередях, а потом волочить покупки домой, ощущая отвратительную ломоту в руках. Похоже, это становится ее обязанностью. Но никак, не Федора.

– Федор, – негромко обратилась к Туманову Даша.

Он услышал. Вскочил с дивана. Сразу такой внимательный стал.

– Дашенька. Ты пришла? Родная. Прости, я не заметил.

Даша постаралась не рассердиться. И только губы покривились в усмешке. Сейчас майор выставил себя не лучшим образом, хотя и тут же подскочил, выхватил у нее из рук тяжеленную сумку и пакет с фруктами. Но к чему было задавать этот идиотский вопрос, когда она вот перед ним собственной персоной, даже можно руками потрогать.

– Как видишь, пришла. И, между прочим, не с пустыми руками.

Он наклонился и поцеловал ее в губы.

– Солнышко мое. Я так соскучился по тебе. – Он хотел поцеловать еще, но Даше этот поцелуй был совсем ни к чему. А Туманов, хитрец.

– Ты сегодня пораньше смотался с работы? – в свою очередь спросила Даша. Наверное, сейчас в ней напрочь отсутствовал даже самый примитивный артистизм. И за, вроде бы, располагающей улыбкой, Федор заметил скрытое раздражение. И Федор понял из-за чего оно.

– Дашка, ну ладно, не сердись, – умоляюще залепетал он. – Понимаешь, матч сегодня. Играет московское Динамо. А у меня в этой команде два приятеля. Я ведь когда-то тоже увлекался футболом. Так-то.

– Ты, играл в футбол? – это открытие несколько удивило Дашу. Представила этого высоченного здоровяка несущегося по полю и не позавидовала противнику. Если этот танк со всего маху врубится, то явно тому не поздоровится. Не завидная судьба у того футболиста.

– Знаешь, тебе бы лучше в балет... – сказала она со смешком.

– Это почему? – с наивностью ребенка захлопал Федор глазами, еще не сообразив, что его прелестное создание отпустило ему самый, что ни на есть, обыкновенный подкол, который он проглатывает, как голодный карась наживку. А она еще не поскупилась на подколльчик.

– А чтобы член не торчал из трусов...

– Он у меня и там не торчал, – несколько обидчиво произнес Федор, помогая Даше выложить из сумки, принесенные ею продукты.

Причем, делали это оба молчком. Когда сумка опустела, Туманов виновато заглянул в Дашино лицо. Теперь оно уже не казалось ему таким сердитым. А значит, ничего не стоит вымолить прощение.

– Дашка, ну прости меня, – попросил он, взывая к ее чувствам. – Если любишь, то прости. Я знаю, что ты устаешь на работе...

Даша кивнула головой, разглядывая сковороду. То, что лежало в ней, было отдаленно похоже на жареную картошку. Видно, любимый майор приготовил это кушанье наспех. Или не доглядел из-за своего дурацкого футбола и картошка так подгорела, что проглотить ее способен разве что мусоропровод. Или тот, кто ее готовил.

– Да, – покачала головой Даша. Кулинар из ее Федора никудышный.

Федор посчитал, что ему сейчас лучше удалиться в комнату, чтобы не раздражать Дашу и не доводить дело до скандала. К тому же заботливый диктор, захлебывающимся от волнения голосом, оповестил об остром моменте у ворот динамовцев. И майор сиганул к дивану так, как если бы он защищал ворота москвичей и от его реакции зависел успех в игре. И даже когда зазвонил телефон, Федор не двинулся с места. Сделал вид, будто не слышит назойливой трели.

К аппарату пришлось подойти Даше. Не прошло и минуты, как она появилась в комнате, перед Тумановым. Сказала с недовольством:

– Федор, там тебя спрашивают. Может, соблаговолишь подойти?

– Кто спрашивает? С работы? – не отрывая взгляда от экрана, спросил Федор. Подходить к телефону ему не хотелось. И это в такой момент.

– Нет, не с работы. – Даша чувствовала, что ее терпение наисходе.

– Ну и сказала бы, что меня нет, – запоздало, посоветовал Федор. Хотя сам не приветствовал вранье. Просто сейчас не хотелось отвлекаться.

– Знаешь, милый, я врать не собираюсь. Так что подними свою задницу с дивана и подойди к телефону. Человек ждет, – не упустила Даша напомнить и исчезла в кухне. Ему звонят, а он хоть бы что.

Федору ничего другого не оставалось, как подойти и ответить. Он вышел в комнату, где находился телефон и, не прижимая трубку к уху, чтобы при разговоре еще и слышать голос футбольного комментатора, сухо произнес:

– Я слушаю.

– Привет, капитан, – послышался из трубки мужской голос.

Показалось довольно странным, что человек обратился к нему не как к майору. Стало быть, звонил тот, кто знал его капитаном. Причем сам Федор мог его и не знать. По крайней мере, голос звонившего, ему показался совсем не знакомым. Это мог быть кто угодно: случайный человек, вызванный когда-то как свидетель преступления или убийца, которому каким-то чудом удалось избежать сурового наказания, и теперь он решил пощекотать нервы оперу. Так или иначе, но Туманов приготовился к любым неожиданностям и уточнил для звонившего:

– Вообще-то, я майор. Но, собственно, это не так важно. Если тебе удобней меня называть капитаном, я не обижусь. Так я слушаю, чего ты хотел? – спросил Федор, на какое-то

время, позабыв о матче, ради которого даже пораньше смотался с работы. Теперь, чувствуется, не до него. Откладывается просмотр. Федор пожалел, что взял трубку.

– Ну, майор, так майор. Хотя это действительно не так важно, – заговорил голос из трубки. Прислушиваясь, с какой интонацией он звучал, Федор понемногу успокоился. Похоже, у звонившего были свои проблемы. И не шуточные. Но не мешало бы выяснить, кто же он.

– Извини. Я не представился... – Звонивший словно угадал его мысли.

– Да. Желательно бы. Чтобы иметь некоторое представление. А то получается, ты меня вроде как знаешь, а я тебя, извини, не припомню. – Это прозвучало не как признание, а как умышленно допущенная хитрость, чтобы узнать от говорившего фамилию или хотя бы имя.

– Я – Нельсон. Может, помнишь? Мы встречались по делу Мономаха. У тебя дома. Ты мне передал тогда дискету с компроматом. Вспомнил?

Образовалась пауза, во время которой Нельсон ждал, что ответит майор Туманов. Если проявит безразличие, потеряет интерес к беседе, тогда и говорить им не о чем. Но Туманов был не из таких.

– Нельсон! Фу ты черт! – голос у майора Туманова зазвучал располагающе, что в немалой степени обрадовало Нельсона. – Ты бы сразу представился. А то начал с капитана. Я и в толк не возьму никак, кто звонит. – Совсем развеселился Туманов, чего, впрочем, нельзя было сказать про сотрудника службы безопасности. Голос у того звучал так, словно они разговаривают последний раз и Нельсон, чувствуя свою обреченность, хочет попросить отпущение всех грехов, да вот не знает, как бы поделикатней начать. И начал с извинений:

– Извини. Я же не знал, что ты майора отхватил.

Федору захотелось побахвалиться, и он сказал:

– А вот сразу после того дела мне на погоны и прилепили одну большую звезду вместо четырех маленьких. Только забот меньше не стало. Как бегал, так и бегаю. Правда, двух помощников мне дали. Это вроде как вместо премии к майорскому званию. Ну, а так, в общем, все путем. Служу помаленьку. А у тебя-то как? Дела идут?

В трубке послышался протяжный вздох, похожий на оханье.

– У меня дела не очень. Кому-то я дорожку перешел. У нас ведь тут свои заморочки. Сам понимаешь. Контора еще та. И бардак в ней тот.

– И что? Никакой поддержки от начальства? – не упустил спросить Федор. Знаком был с подобной ситуацией. Бывает такое, когда человеку в мундире рассчитывать не на кого, кроме как на самого себя. Только и мундир не всегда выручает. Наверное, с Нельсоном как раз тот случай. И тут же Федор понял, что не ошибся в своих домыслах.

– Полковник мой на пенсию ушел. Надоело старику все до чертиков. Поставили молодого майора. Раньше в области работал. Теперь сидит, ногти грызет. Не знает, с чего начать. А я не хочу себя перед ним на посмешище выставять. Вдруг ошибаюсь и ничего такого.... Тогда авторитет потеряю. Каждый стручок будет за глаза смеяться...

– А в чем дело-то? – вкрадчиво спросил Федор, чувствуя, что Нельсону нужна его помощь, иначе бы не позвонил. Он ведь не из слабаков. И если уж прижало фсбешника, стало быть, на всю катушку.

– У тебя как сейчас со временем? – вдруг спросил Нельсон.

Федор не ответил сразу, покосился в комнату, где стоял телевизор, и восторженный голос комментатора как в трубу орал, возвещая о забитом голе. А Федор даже не знал, в чьи ворота залетел мяч.

Расценивая затянувшуюся паузу, как нежелание Федора тратить личное время не известно на что, Нельсон убедительно сказал:

– Нам бы встретиться? – это скорее даже прозвучало как просьба, отказать в которой майор Туманов не имел права. – Не надолго. Минут на десять. Не больше. На углу улицы

Некрасова, возле дома восемнадцать, стоит бледно-голубой четыреста двенадцатый «Москвич». В него под заднее сиденье я положил папочку с бумагами. Так несколько фотографий и кой, какие ксерокопии документов. Банковских счетов.

– Не самое подходящее место для хранения ценных бумаг, – заметил Туманов, не разделяя такой беспечности. – Вдруг тарантас угонят.

Но, похоже, Нельсон был противоположного мнения. Потому что тут же заявил обратное:

– Да кто на такую развалюху позариться. А потом, бумаги я положил только вчера. Так вот я хотел передать тебе ключ от машины. Если со мной что-нибудь случится... Ну, в общем, если потом сочтешь нужным, покопайся в этих бумагах. Их, правда, немного. Больше накопить я не успел... Но, я думаю, ты найдешь там, кое-что интересное.

Он не сказал «не успеваю», словно уже считал себя человеком, который ничего не сможет сделать и в первую очередь защитить себя. И Федор это сразу отметил про себя. Поэтому решил не отказываться от встречи. Несказанно обрадовал Нельсона, дав согласие на встречу.

– Если тебе необходимо, я готов с тобой встретиться. Говори, где?

Нельсон обрадовался принятому предложению. Даже голос зазвучал веселее. Так показалось Федору. Хотя самому ему веселей не стало.

– Давай, сейчас, а? Можешь? Не хочу откладывать, – сказал Нельсон.

– Как скажешь, – на этот раз Федор бросил короткий взгляд в кухню, где хозяйничала Даша, облачившись в короткий халатик. Ох, и не понравится ей его внезапный уход. Утешало одно, Нельсон пообещал, что встреча займет не более десяти минут. Плюс, сколько-то на дорогу. Федор не спросил сразу, где они встретятся, поэтому поспешил сделать это сейчас, чтобы определить, сколько потратит на дорогу.

– Летнее кафе на углу Тверской и Брюсовского переулка знаешь? – решил Нельсон проверить осведомленность майора Туманова и тут же успокаивающе добавил: – Это в пяти минутах ходьбы от тебя.

Хотя объяснять, где находится это кафе, было и не обязательно. Федор его хорошо знал. По вечерам там за столиками собирались ночные «бабочки» со всей Тверской улицы поговорить о своих насущных делах. Глядя в их невинные личики, легко было подумать, что здесь собрались прилежные воспитанницы колледжа благородных девиц. И только время от времени подкатывающие к кафе дорогие иномарки, в которые с готовностью запрыгивали юные красотки, указывали на обратное. Все собравшиеся тут девицы отнюдь не отличались строгостью нравов и за сто долларов готовы были ублажать всю ночь даже самого последнего калеку. Но раз Нельсон выбрал это кафе...

В общем, Федор возражать не стал. Хотя, по мнению майора Туманова место это было не самым лучшим для подобных встреч и тем более серьезных разговоров. Возле молодых проституток всегда увивались сутенеры. А среди этой братии может оказаться пара, тройка тех, кому доводилось иметь дело с майором Тумановым. И уж будь, уверен, они-то постараются обо всем разнюхать, чтобы потом доложить кому надо.

– Ладно. Давай подходи к кафе. И я сейчас подойду, – пообещал Федор, ожидая самую непредсказуемую реакцию от Даши. Женщина пришла с работы, уставшая, голодная. Суетится на кухне, готовит ужин. А он вдруг собирается уйти. Ну, кто он после этого?

Майор украдкой вздохнул, чувствуя себя виноватым перед Дашей.

– А я уже тут, – с готовностью ответил Нельсон.

Федор не понял. Да и откуда у Нельсона заранее такая уверенность?

– Где тут? В кафе, что ли? – переспросил Туманов, удивившись.

– Ну, а то. Сажу за столик и звоню тебе по сотовому, – в голосе Нельсона слышалось самодовольство, что не очень понравилось Федору. – Я знал, что ты, майор, настоящий мужик. И не откажешь мне.

– Ладно, хвалить-то. Только давай договоримся сразу. Десять, пятнадцать минут и я ухожу. Лады? – предупредительно спросил Федор.

– Лады, – с готовностью подхватил Нельсон и отключил телефон.

Кажется, Даша услышала кое-что из их разговора. Появилась в проеме двери, ожидая от него объяснений. Потом посчитала, что вот так стоять и ждать, излишняя трата времени, поэтому пошла в атаку.

– Ты куда-то собираешься? – спросила она, нахмурившись.

Врать было бессмысленно. Но и отступать Туманов не собирался.

– А я тебе предлагал, сказать, что меня нет дома, – нарочно укорил он ее, чтобы отбить всякое желание к дальнейшим расспросам.

Даша посмотрела ему в глаза и без доли шутки сказала:

– Смотри, Туманов, когда-нибудь мне надоеет все это. Так и знай.

– Милая, ты мне пытаешься угрожать? Зря. Честное слово, зря.

– Нет. Лишь напоминаю, что я тоже человек. И, между прочим, не твоя домработница. А ты мне даже не пытаешься помочь. Вот сейчас, я старалась, приготовила ужин, а ты вдруг куда-то уходишь.

Федору стало жалко Дашу. Она права сто раз. Действительно он поступает с ней не самым подобающим образом для любящего мужчины. Не смотря на ее отчаянное сопротивление, Федор обнял девушку и как пиявка присосался к ее губам. Почувствовал, как ее руки только что отталкивающие его, бессильно повисли. Даша задышала возбужденно. Ее разгоряченное тело притягивало Федора.

В другой бы раз вряд ли дело кончилось бы только поцелуем, но сейчас... Сейчас, на большее не хватало времени. И Федор рванул в прихожую со словами:

– Дашунь, я скоро вернусь. Пятнадцать минут и я дома. Вот увидишь.

Он даже не слышал, как Даша бросила ему вдогонку с обидой:

– Федор, ты противный. Заставляешь девушку волноваться.

Наверное, так и было на самом деле. И он такой, каким его представляла себе Даша. Но что поделаешь, раз он пообещал Нельсону.

* * *

Нельсона он узнал сразу. Тот сидел за крайним к тротуару столиком в светло-сером костюме. Казалось, с момента их встречи фсбешник почти не изменился. Даже лицо еще больше округлилось. Но людям с устойчивой психикой свойственно быстро поправляться.

Вот только глаза... Взгляд такой, словно Нельсон кого-то все время высматривает. Увидев Федора, улыбнулся ему и приветливо помахал рукой. Но Туманов не упустил заметить, что взгляд Нельсона только скользнул по нему. А нацелен он был куда-то за спину майора, туда, где по проезжей части, как на автогонках, в бешеном потоке неслись машины. Одна за другой. Нескончаемым потоком.

Федор даже не успел повернуться, чтобы посмотреть, что так заинтересовало капитана ФСБ. Он только услышал, как пронзительно взвизгнули тормоза проезжавшей мимо машины. Кажется водитель превысил скорость. Здесь такое бывает. Но Нельсон вдруг резко привстал. Рука метнулась в боковой карман, что-то нашарила там.

«Пистолет!» Федор только втянул голову в плечи, почувствовал, что за всем этим последует. Ведь пистолет достают, чтобы стрелять. Увидел, вот Нельсон вытащил из кармана руку, и что-то зажал в кулаке. «Нет. Это не пистолет. Но тогда что же? Что?» Спросил бы об этом у самого Нельсона. Но вряд ли тот сумеет уже что-либо объяснить.

Выстрела Федор не услышал. Скорее всего, стреляли из пистолета с глушителем. Пуля угодила Нельсону прямо в правый глаз, до безобразия изуродовав лицо. И он вдруг пошатнувшись, опрокинулся на сидящую позади рыжеволосую девушку, до смерти напугав ее.

«Черт возьми!» – пронеслось в голове у Федора. Он понял, что, вряд ли сумеет уже помочь Нельсону. Тот, кто в него стрелял, бесспорно, знал толк в искусстве убивать. И безусловно расчет был на один единственный точный выстрел. Но вот что мог сделать Федор в этой ситуации, так это попытаться запомнить стрелявшего. А для этого надо не стоять к нему спиной. Не быть мишенью. Надо повернуться лицом.

Майор резко развернулся. По всей вероятности, убивать его сейчас не было нужды. Хотя для стрелявшего в Нельсона, уложить Туманова оказавшегося на краю тротуара, а, следовательно, ближе к проезжей части, не составляло большого труда. Тем более для хорошего стрелка.

Федор увидел юркую «восьмерку» серого цвета без номеров и лицо парня, которое тут же спряталось за тонированным стеклом.

Кажется, никто так толком и не понял, откуда стреляли. Хотя около семи вечера на улице возле кафе было полно народа. И Федор бы не сообразил по поводу этой грязно-серой «восьмерки», если б та не стала стремительно набирать скорость. Наверное, за ее рулем сидел потерявший разум лишенец, способный не только сам легко расстаться с жизнью, но и угробить своего товарища сидящего рядом. Его рожу Федору, к сожалению, рассмотреть не удалось, хотя по тому, как лихо тот управлял машиной, большой интерес сейчас у майора вызывал именно он, а не сидевший рядом парень с ледяным взглядом.

И лишь когда «восьмерка» скрылась из виду, Туманов подбежал к Нельсону. Как он и предполагал капитан был мертв. Долго мучаться ему не пришлось. Смерть его была мгновенной, и Нельсон даже не успел по-настоящему испугаться. Но что сразу заинтересовало майора, так это предположение, что капитан каким-то образом почувствовал приближение смерти. А может быть, он заметил опустившее стекло и высунувшийся оттуда ствол пистолета направленного на него. Так или иначе, но капитан ФСБ был сейчас мертвым. Для верности Туманов потрогал артерию на шее и не почувствовал привычного пульсирования. И получалось, что он вроде как оказался тут лишним. Единственное, что он мог сделать для Нельсона, так это позвонить в «скорую» и сообщить в местную дежурную часть милиции. Две простые формальности, которые Туманов тут же выполнил, сожалея о случившемся. И вспомнил то, ради чего пришел сюда.

«Нельсон говорил о ключе», – Федор разжал еще не остывшую руку. Он не ошибся. Нельсон, почувствовав, что сейчас умрет, успел достать из кармана ключ, о котором говорил Федору. Ключ, который хранил какую-то тайну. Эту тайну еще, будучи живым, Нельсон доверил майору Туманову. Как оказалось, смертельно опасную. За нее, скорее всего, убили фсбешника. И если Федор прикоснется к ней, не исключено, что подобная участь постигнет и его. А сейчас можно просто взять и уйти. В конце концов, он не клялся, не давал обещаний. И разве есть у этой тайны такая цена, за которую стоит платить жизнью. Сам Нельсон уже заплатил эту цену. Вот и лежит сейчас.

В раскрытой помертвевшей ладони лежал ключ с кольцом. Ключ от того самого «Москвича». Небольшой кусочек металла и только.

Федор наклонился и взял ключ с ладони убитого и, не оборачиваясь, пошел. Стоять с раскрытым ртом, как в миг собравшаяся возле убитого толпа, он не стал. Будет лучше, если его фамилия не появится в протоколах следователей. А его не будут вызывать, как свидетеля. Пустое это. Он даже путем не запомнил лица того парня, который стрелял в Нельсона. Поэтому расстроился. Таким его и увидела Даша.

Девушка глянула ему в лицо и в ее глазах забились тревога.

– Федор, что случилось? – беспокойно спросила она.

Он не хотел рассказывать. Зачем ей лишняя головная боль. Но слишком уж скверно было на душе. Вроде как виноватым себя чувствовал за смерть Нельсона. Приди он на несколько минут пораньше и, глядишь, все обернулось бы иначе. Но он не пришел. И опоздал.

– Федор, у тебя рука в крови, – испугалась Даша, схватив его за запястье правой руки. В голове сразу стали рисоваться самые, что ни на есть жуткие картины. И одна из них, что ее майор ранен.

– Скажи, ты ранен? Ну, не молчи! Слышишь? Отвечай! – Даша заплакала. А Федор обнял ее и поцеловал, но не в губы, а в лоб.

– Успокойся, родная. Я не ранен, – в подтверждение того, что с ним ничего трагического не произошло, Федор улыбнулся. Правда улыбка получилась кислой. А Даша не отставала. Разве будет он жаловаться?

Хорошо, когда возле тебя есть близкий человек, который беспокоится о тебе. Но иногда наступают моменты, когда на душе настолько тошно, что хочется отгородиться ото всего мира. Подобное сейчас испытывал и Федор. Но не хотел, чтобы Даша почувствовала это.

– Только что убили человека. Прямо на моих глазах и я ничего не смог сделать, чтобы защитить его. Понимаешь? Ничего, – сказал Федор, задумчиво глядя в окно, за которым уже стало смеркаться. Показалось, что за стеклом вдруг нарисовалось лицо капитана Нельсона. И Федор на секунду зажмурился. А когда опять открыл глаза, увидел на стекле всего лишь темное пятно, скорее всего, тень от соседского балкона.

– Того, кто тебе позвонил? – догадалась Даша.

Федор грустно кивнул. Ответил скупой:

– Того.

– Кто он? Я могу узнать? – деликатно поинтересовалась Даша. В сущности, ей было неважно, кем был этот человек при жизни. Был ли он хорошим, или плохим. Да и время сейчас такое, что с легкостью убивают и тех и других. Но, видя, как переживает Федор, ей тоже захотелось поучаствовать в его переживаниях, потому и спросила.

– Он был офицером ФСБ, – ответил Федор и протяжно вздохнул.

Даша призадумалась. Действительно, ситуация скверная. Добровольно, жизнь на смерть никто не разменивает. А это вдруг случилось. И как жаль, что Федор присутствовал при этом. И когда убивали того человека, ничем не мог помочь. А ведь он хотел. Даша не сомневалась. По ее рассуждению плохих офицеров не убивают. Гибнут, хорошие.

– Наверное, он был хорошим офицером, – с болью сказала она.

Федор нежно провел ладонью по ее волосам. Сейчас ее глаза доверчиво смотрели на него. И этой своей доверчивостью напоминали глаза ребенка. Они были бесхитростными, не способными на ложь и подлость. Не способными на гнусное предательство.

– Милая, офицеры не бывают плохими или хорошими. Они делятся на тех, кто служит и тех, кто прислуживает. Так вот он, служил.

– Ну не терзай так себя, – попросила Даша, прильнув лицом к груди Федора. – Ведь ты ничего не мог сделать. У тебя даже оружия не было.

– Да, это так, – тихо сказал Федор, соглашаясь с Дашей. Идя на встречу с Нельсоном, он действительно не взял пистолет. Не предполагал, чем все может закончиться. И это еще один минус для него, как для опера. Потому, что должен был предвидеть самое наихудшее. А теперь только за все брала досада. Досада за допущенную оплошность.

Футбольный матч давно закончился, и по российскому каналу крутили очередной сериал про ментов. Стрельба. Сплошные погони. Крики отчаянья. Все это не производило того эффекта, на который рассчитывали авторы фильма. И Федор почувствовал отвращение. Уж слишком много неоправданной надуманности. В реальной жизни все намного острее,

болезненной. И люди умирают по-настоящему, вот как сегодня Нельсон. А кто-то, как он, остается, чтобы отомстить.

Туманов подошел и выключил телевизор. Ужинать не стал, сколько Даша не уговаривала. Уединившись в отдельную комнату, достал из кармана ключ от «Москвича». Жалко, что Нельсон не успел ничего толком объяснить. И неизвестно, чем еще все это обернется для Федора. Не исключено, что на все случившееся, наложило свою лапу ФСБ.

Федор скупно улыбнулся, подумав, будет здорово, если менты схлестнутся в драке с гэбэшниками. Сколько раз давал себе обещание не влезать в подобные истории. Мало того случая с Мономахом. И вот опять. Но, так или иначе, а последнюю просьбу Нельсона придется выполнить. И майор решил утром съездить, посмотреть, что спрятано в старом «Москвиче». Хотя бы для того, чтобы успокоить душу.

* * *

Дом номер восемнадцать долго искать не пришлось. Старая панельная пятиэтажка хрущевской застройки. Вряд ли капитан ФСБ жил здесь. Скорее всего, тут у него была квартира, на которой он встречался с агентами. А вернее агентками, совмещая приятное с необходимым. И довольно симпатичная женщина сидящая на скамеечке возле второго подъезда, вполне могла быть одной из них. Хотя теперь это уже не имело значения. Возможно она еще не знает, что ее куратора уже больше нет в живых и просиживает здесь, напрасно тратя время.

Бледно-голубой четырехста двенадцатый «Москвич», в некоторых местах проржавевший до дыр, приютился в глубине двора возле огромного куста сирени. Судя по изрядно помятому капоту, местные воздыхатели не раз использовали его как подставку, чтобы наломать своим дамам букеты сирени.

Туманов даже не мог представить Нельсона, сидящим за рулем этого драндулета, не трогавшегося с места как минимум годов десять. Даже колеса успели врасти в землю. Наверное, этот некогда шедевр отечественного автостроения достался капитану по наследству и уж точно задаром. Потому Нельсон и не пожелал беречь его. Впрочем, это его дело. Федора сейчас интересовало другое. Нужно зайти со стороны кустов, чтобы не привлекать внимания вон той полной женщины в синем халате, старательно махавшей метлой по тротуару, а заодно и кудрявой милашки просиживающей на скамейке. Туманов так и сделал. По поводу милашки был спокоен. Та сидела и томным взглядом смотрела на одно из окон пятого этажа, словно ожидая в нем появление долгожданного любимого, по которому она истосковалась.

Федор был не достоин ее взгляда, хотя подобное его нисколько не расстраивало. Даже наоборот. А вот от толстушки с метлой вполне можно ожидать неприятностей. И немалых, судя по ее суровому лицу.

Увидев подошедшего к машине человека с ключом, толстушка поудобнее взяла в руку метлу, как будто собиралась оседлать ее и подлететь к нему. Но, слава богу, такого не произошло. Хотя присутствия ее и пары, тройки резких высказываний не избежать. И майор в этом нисколько не сомневался, глядя на ее решительный вид, по которому не трудно догадаться о желании, во что бы то ни стало атаковать чужака. Наверное, рассчитывала на свою внушительную комплекцию.

— Мужчина, вы ведь не из нашего двора? — коршуном налетела толстушка на Туманова, поигрывая метлой, как янычар мечом перед казнью. Причем, просто так отставать она не собиралась. Что-то нагнетало в ней злость, которую она теперь собиралась излить на Федора. Раз уж он попался под горячую руку. Не стоило тому крутиться здесь.

Туманову захотелось послать толстушку отсюда подальше, чтобы не мешала. У каждого должны быть свои заботы. У милиционера, ловить преступников, а у дворников,

почище выметать двор. И не надо мешать друг другу. Но Туманов сдержался от грубости и только хмуро произнес:

– Ну и что? – и уставился на толстушку наглыми глазами.

– А ни хера! – вдруг бесцеремонно рывкнула толстушка во все свое луженое горло. – Посмотрите на него, какой он хороший, – уперла она свободную руку в крутое бедро. – Живет хер знает где, а машину тут поставил. Ну и молодец! Не пройти, не обойти ее.

Федор заметил, что сидящая на скамейке кудрявая милашка теперь с интересом уставилась на него. Но заинтересовал ее Туманов не как мужчина, а как объект для насмешек. А все благодаря этой чокнутой дворничихе. Вот прицепилась. В лоб хочет. А дать некому.

– Слушай, тетя, – процедил сквозь зубы Туманов.

– Чего тебе, дядя, – все с тем же напором огрызнулась толстушка, не собираясь отступать перед Федором, даже не смотря на то, что он был выше ее почти на две головы. Разве испугаешь такую ростом. И Федор уже твердо уверовал в то, что нет ничего такого в этом мире, чего бы напугало эту лупоглазую крикунью. Таким только дай повод глотку продрать. Уж она постарается. Проявит себя во всей красе.

– Шла бы ты отсюда, а, – не меняя интонации, произнес Туманов, надеясь, что все же толстушка отцепится. Но не тут-то было. Брошенное в ее адрес предложение удалиться, зацепило толстушку за живое. Она нахохлилась как ворона, угрожающе выставив вперед метлу.

– Я вот тебе сейчас ебулызну метлой по бельмам бесстыжим, чтоб знал... Хрен турецкий! Посмотрите на него.

Федор понял, угроза была отнюдь не без оснований. Скорее всего, эта горластая дура привыкла колотить своего никудышного мужа, и теперь тоже самое намеревалась проделать с Федором. Возможно, с кем-то другим такие горлопанки добиваются своего, но только не с Тумановым. Немного не подрастчала она, когда замахнулась.

Майор не стал дожидаться, пока толстушка осуществит свои угрозы, выхватил из ее рук метлу и, ударив об колено, переломил черенок пополам. У толстушки глаза полезли на лоб. Не ожидала такого.

Кудрявая милашка сидящая на лавочке, теперь смотрела на Туманова с откровенным восторгом. Возможно, такая решительность в мужчинах нравилась ей. Но с Федора она теперь не сводила глаз. Причем, кроме восхищения, в них легко можно было прочесть и кое-что другое, что предназначается для предмета женского обожания.

Зато толстушка готова была разорвать Туманова. Глянув на изуродованное орудие труда, она раскрыла рот, из которого посыпались такие проклятия, от которых другой бы просто не устоял на ногах. Но Туманов решил дальше не обострять ситуацию, тем более что у толстушки после потери защитного инструмента пропала всякая охота к нападению. Он отпер ключом дверь. Приподняв заднее сиденье, которое оказалось незакрепленным, достал картонную папку. После чего захлопнул дверь. Запирать на ключ не стал. Со смертью Нельсона, в этой машине окончательно отпала надобность. Так пусть хоть дети играют в ней. Приучаются к технике. Все ж, какая никакая польза.

Прежде чем уйти, Федор глянул на толстушку и весело сказал:

– Не скучай, подруга. И почаще бегай по утрам. Помогает от бешенства. Ну и жирок там согнать. Так что, не забывай совет. Пока, тетя.

Его веселость взбесила дворничиху. Только Туманову уже было на это наплевать. Улыбнувшись очаровательной кудряшке сидящей на скамейке, он пошел туда, где стояла его старенькая «шестерка». Он не обратил внимания, как в одном из окон пятого этажа появилось лицо молодого мужчины. Его внимание привлекли крики дворничихи. Он выглянул. Вроде бы ничего особенного. Мужик копается в старом «Москвиче». Но подозрительным показалось, когда сумасшедшая дворничиха разоралась по поводу того, что человек живет

не здесь. «Тогда почему он копается в этой машине? – подумал тот в окне. – И эта папка... Что в ней?» Он достал сотовый и быстро набрал номер.

У женщины сидевшей на скамейке во дворе, в сумочке, задринькал сотовый телефон. Она быстро раскрыла сумочку, поднесла трубку к уху.

Звонил мужчина, который наблюдал за Федором из окна квартиры.

– Что там происходит? – несколько сухо спросил он, видя, как человек, взявший из машины папку, уже направляется со двора.

– Да тут подошел какой-то тип к машине, а местная дворничиха обложила его матом, – ответила кудрявая милашка, глянув на окно.

– Я не про то, – тон у говорившего был слегка раздраженным. – Папка. Я видел, он взял ее из машины... Зачем она была там? И что в ней?

Женщина молчала. Видно соображала, что следует ответить. Но мужчина не стал дожидаться, пока она соберется с мыслями.

– Проследи за ним, – сказал он. Убрав сотовый в сумочку, женщина сорвалась со скамейки и быстро пошла за Федором.

Минуты через три из подъезда вышел тот мужчина, который маячил в окне пятого этажа. Только теперь у него на лице были одеты темные очки. Чтобы не привлекать своей суетливостью внимание толстой дворничихи, он не торопливой походкой прошел мимо и только когда очутился вне зоны ее видимости, едва ли не бегом выскочил на улицу Некрасова. Тут его и поджидала та самая женщина, которая все время сидела во дворе на скамейке, пока он находился в квартире на пятом этаже.

Увидев ее, мужчина несколько разочарованно спросил:

– Ну, что? Что скажешь?

– Вон там за углом булочной стояла машина. Шестая модель «Жигулей». Он сел в нее и уехал.

– Понятно, – задумчиво проговорил мужчина, словно все время только и думал о чем-то своем наболевшем, а эта кудрявая милашка, сбивала его с мыслей. Но тут же он спохватился:

– Номер? Ты запомнила номер его машины?

– Да не волнуйся ты так, – не скрывая раздражения на такое беспокойство, проговорила женщина. – Напрасно ты считаешь меня легкомысленной. Конечно же, я запомнила номер.

– Я не считаю, – попытался оправдаться мужчина. – Просто дело настолько серьезное, что с нашей стороны не должно быть никаких промашек. Надеюсь, ты понимаешь? Иначе, нам не поздоровится.

– А их и не будет. Не беспокойся, – улыбнулась женщина и походкой повелительницы направилась к красному «Фольксвагену» стоящему на обочине проезжей части.

Мужчина покорно поспешил за ней.

Глава 2

На этот раз капитан Греков был более серьезен, чем обычно. Выслушав все, что рассказал майор Туманов, он долго молчал, успев за это время выкурить пару сигарет. И только когда Федор выжидающе уставился на него, без энтузиазма в голосе проговорил:

– Что ни говори, а ФСБ, это солидная организация. Связываться с ними опасно. Можно и башку потерять. Что если этот твой знакомый, которого укандохали в кафе, замешан в неблагоприятных делишках?

– Думаю, вряд ли, – возразил Федор, защищая Нельсона. Но Грек тут же нашелся, что сказать:

– А тогда, чего ж он не обратился к своим коллегам, а позвонил тебе?

– Может, он не доверял им, – высказался молчавший до этого лейтенант Ваняшин. И Туманов вынужден был с ним согласиться.

– Вот. Правильно. Значит, у него были основания им не доверять, – сказал майор. Всю ту рутинную работу, которую проводил Нельсон, Туманову одному было закончить не под силу. А стало быть, без помощи Грека и Ваняшина не обойтись. Хотя поначалу Федор и не хотел втягивать их в это дело. Но когда возвращался в управление, после того, как изъясил документы из «Москвича» и бегло перелистав их, понял – один он не сможет ничего по ним сделать. И тогда смерть капитана Нельсона получалась неоправданной. А мириться с этим опер Туманов не мог. И дело даже не столько в самолюбие. Сколько в профессиональной этике. С каждым оперативным работником может случиться подобное. Ведь Нельсон попросил помощи у него, Туманова. Веря, что даже если его убьют, Федор продолжит начатое дело.

– Я вкратце ознакомился с документами, которые капитан собрал. Серьезные документы, скажу я вам. Удивляюсь еще, как ему позволили столько накопать всего, – Туманов не скрывал удивления, немного завидуя возможностям сотрудника ФСБ. Вряд ли бы ему, майору уголовного розыска, удалось копнуть так глубоко. А вот Нельсону с этим повезло. Хотя везение это оказалось для него роковым. Наверное, у капитана Нельсона было время все обдумать и отступить. Но он не отступился. Даже, когда подозревал, что смерть уже ходит за ним. А может быть, тогда уже было поздно. Так или иначе, но эстафета теперь передана майору уголовного розыска. Причем, передана не совсем законно, без всякой регистрации документов.

– Николаич, если ты не против, нам бы с Лехой тоже хотелось ознакомиться с этими документами, – посмотрел Грек на лейтенанта Ваняшина. И тот кивнул, соглашаясь с капитаном Грековым.

– Чтобы знать предмет разговора, – добавил Ваняшин.

Туманов улыбнулся, как хорошо, когда твои подчиненные больше чем сослуживцы. А что это именно так, майор Туманов несколько не сомневался. Греку и Ваняшину он полностью доверял.

Федор вынул из кармана пиджака две фотографии. На одной из них был заснят мужчина лет шестидесяти, седоволосый с задумчивыми печальными глазами, словно фотограф приложил неимоверные усилия, выхватив это его выражение лица в момент глубокого философского раздумья о жизни и смерти. Скорее всего, этот седовласый философ еще продолжает пребывать на этом свете, а вот капитана Нельсона уже нет. И возможно, старичок принял для этого определенные усилия. Иначе бы с чего его фотка оказалась среди бумаг.

На второй фотографии, была красивая блондинка с безукоризненным лицом. Причем девица как дважды два смахивала на Бритни Спирз. Сходство было удивительное. Стоило Греку с Ваняшиным взглянуть на эту фотографию, как оба пришли к такому же мнению.

Фотография была сделана в Крыму. Внизу была пропечатана едва различимая надпись: две тысячи второй год, Крым.

Девушка стояла на небольшом утесе окруженным со всех сторон морем, в таком открытом купальнике, что просто было непонятно, зачем вообще он присутствует на ее стройном теле, когда ровным счетом ничего не прикрывает. И грациозно поставив одну ножку, на влажный от наката воды камень, она словно бахвалилась тем интимным местом, которое находилось у нее между ног и практически оказалось не прикрытым. Волосы, небрежно разбросанные по плечам. И больше чем нужно оголенные груди с темными выпуклыми сосками. Ну, чем не богиня только что вышедшая из пенных вод погреться под яркими лучами солнца и вдруг замеченная фотографом. Только фотография эта была сделана не вдруг. Чувствовалось, что девушка умела использовать свою красоту с толком. Позировала с удовольствием. И на обратной стороне фотки, небрежным почерком было выведено всего два слова: «Моему любимому». Кому конкретно предназначалась эта фотография, оставалось только гадать. Но Федор посчитал, что она имеет какое-то отношение к старикашке, раз хранилась в папке рядом с его фотографией. Не стоит надеяться, чтобы Нельсон вложил туда фотографию одной из своих любовниц, чтобы позабавить Федора.

Грудастая девица сразу приглянулась молодому лейтенанту, и он попытался выклянчить ее фотографию, чтобы положить под стекло на свой рабочий стол.

– Извини, Леша, но пока я ее тебе отдать не могу. Да и вряд ли тебе будет до работы, когда под носом такая красотка, – строго заметил на это Федор, раздумывая по поводу фотографии, куда ее деть.

– Правильно, Николаич. Разврата, пусть и заочного, в стенах управления мы не потерпим. Поэтому будет правильней, если ты отдашь ее мне. Я в отличие от Лешки, человек морально устойчивый, – убедительно проговорил Грек, на что Федор только покачал головой.

– Вы оба морально неустойчивые, – прозвучало обвинение из уст майора. – Поэтому пока эту фотографию я оставляю у себя. А вам вот... – Туманов положил на стол фотографию старика.

Капитан Греков тут же не упустил возможности поддеть Федора:

– Вот, смотри, Леша, какая разница между майором и нами простыми смертными. Не говоря уже о поощрении. Даже фотку девки не дал.

– Ну, насчет простых смертных, это ты слегка хватил, – обиделся Федор. И Грек, тут же поразмыслив, пришел к заключению, что немного хватил лишнего. Но легко вывернувшись, сказав так:

– Так ведь, Николаич, ну сам посуди. Ты же все равно заставишь нас искать эту сексапильную дивчину?.. А как сумеем выполнить четко работу, если у нас даже нет ее фотки? – украдкой хитрющий капитан подмигнул лейтенанту и тот поддержал Грека:

– Николаич, а он прав.

– Нате. Подавитесь, – Федор бросил фотографию блондинки на стол, добавив в запале: – Ну, если не отыщите эту сикуху, я с вас шкуру спущу. Так и знайте, господа сыщики.

Оба незаметно от майора хихикнули и обменялись взглядами, что в понятии подчиненных означало – сделали мы тебя, майор.

– Ладно. Будем считать, что с этой фотографией вы разберетесь. Устанавливайте личность, ну и все такое. А вот это... – Федор взял в руку фотографию старика, повертел перед повеселевшими физиономиями своих подчиненных, – Запомните. Его фамилия Адамов. Вор в законе с погонялом Академик. Причем, не просто вор. А главный из воров.

– Это он теперь вместо Мономаха? – спросил Грек, отложив фотографию красотки и с интересом вглядываясь в фотографию Академика.

Ваняшин последовал примеру старшего товарища.

– Где-то я эту рожу видел, – призадумался лейтенант. Ему помог вспомнить майор, сказав:

– Может, на вручении кинематографической премии? Господин Адамов большой любитель отечественного кино. Особенно балдеет от «Белого солнца пустыни». Я как-то читал в одной из газет его слезливое признание и обещание помогать киношникам финансами.

– Точно, блин! – хлопнул себя по лбу лейтенант. – Его рожу я видел на кинофестивале. Старикашка выглядел солидно в смокинге.

Капитан Греков серьезно посмотрел на своего товарища и, не допуская малейшей иронии, строго спросил:

– А ты чего там делал? Тоже что ли в киношники метишь?

– Да никуда я не мечу. А что уж и зайти, посмотреть нельзя? – как будто обиделся лейтенант, в ожидании очередного подкола от капитана. – Менты, что уж, не люди?

– Да нет, почему же, – пожал плечами Грек и сказал: – Только ты никогда не говорил, что увлекаешься фильмами. Я, например, от тебя такого не ожидал. Ты вроде все больше по девкам мастак.

– Ничем я не увлекаюсь, – еще больше обиделся Ваняшин. – Просто одна моя знакомая достала пару билетов, ну и пригласила меня. А чего мне, отказываться что ли? – Лейтенант взглянул на майора Туманова, как на спасителя, который может оградить его от ядовитых нападок капитана. Но перед тем, как это должно было произойти, Грек все-таки успел задать не совсем приятный для Ваняшина вопрос, особенно выделив его первую часть:

– Значит, знакомая. А я думал, ты туда прошел, как оперуполномоченный уголовного розыска.

– Ладно тебе, Саша, – напустил Туманов в голос побольше строгости. – Чего пристал? А где бы он еще увидел Академика? Это ты такие мероприятия избегаешь. Тебе и газету почитать недосуг. А зря.

– Грешен, Николаич, – сознался Грек. – Я все больше по кабакам.

– Ну, вот. А Леша у нас культурно развивается, что при нашей работе до зарезу необходимо. А хороший опер, он как артист, должен любую роль уметь сыграть.

– Понял? – тихонько ткнул пальцем Ваняшин капитана Грекова в бок, на что тот прошипел:

– Отвали, артист. Работать надо, а не по кинам шляться.

Федор порылся в кармане пиджака, достал ключ от машины, дал его Ваняшину со словами:

– Леш, будь другом сходи на стоянку. Мою машину знаешь?

– А то, Николаич. Что за вопрос?

– Ну вот. Откроешь дверь. Там у меня полочка под бардачком. На ней инструкция по «шестерке». А поверх ее лежит серая картонная папка. Принеси ее сюда. Только сигнализацию отключи. У меня там такой наворот, что на всю округу шуму понаделает.

Лейтенант уже хотел выйти, но Федор предусмотрительно напомнил:

– Леш, когда дверь закроешь, не забудь обратно сигналку включить.

– Николаич, ну, что я маленький? Все сделаю, – пообещал Ваняшин.

– Ну, молодцом! – похвалил Федор и когда Ваняшин вышел, сказал Греку с укором: – Ну, чего ты к парню прицепился. Чего поддеваешь?

– Да ну его, – огрызнулся Грек. – Тоже мне киношник. Нет, чтобы посидеть, водочки выпить по-человечески. Его все куда-то не туда прет.

– Ладно тебе, Саня. Водочки. Парень он молодой. Это мы с тобой на водочку налегаем. А он больше на девок. Разве это плохо?

Грек махнул рукой. С самого утра Федор заметил, что капитан был не в духе. Последнее время с Греком такое случалось часто.

Через минут пять в кабинет вернулся Ваняшин, и ни слова не говоря, положил на стол перед Тумановым инструкцию по автомобилю «Жигули» шестой модели в виде толстеного журнала.

Федор хмуро уставился, сначала на принесенную инструкцию, потом на того, кто ее принес. Заглянул в ясные как у грудного младенца, глаза лейтенанта, и вмиг превратившись из добряка майора в строгого начальника, спросил:

– Это ты чего притащил мне?

– Чего там было, то и притащил.

Федор вздохнул и, стараясь не встречаться взглядом с капитаном Грековым, лицо которого почему-то засияло от счастья, сказал:

– Ладно. Поставлю вопрос иначе. Я тебя посылал за папкой. Из серого картона. А ты чего приволок сюда? У нас тут чего, автосервис или уголовный розыск? Отвечай, мать твою.

– Николаич, успокойся, – последовало своевременное замечание от молодого сотрудника. – И наберись терпения выслушать до конца...

Набрался?

– Ну? – Лицо у Туманова сделалось таким, как у боксера на ринге в момент ожидания последнего нокаутирующего удара, оправиться от которого он уже не сможет. – Не тяни! Говори. Мы ждем объяснений.

– В общем, Николаич, нет там этой папочки, – сказал вдруг Ваняшин.

– Постой, Леша. Чего ты мелешь. Я сам положил ее туда, вот на эту инструкцию, – ткнул Федор пальцем на засаленную обложку. – Ехал. Дорогой просмотрел документы. Забрал из папки вот эти две фотографии. А ее положил на инструкцию...

Лейтенант Ваняшин решил внять совету старшего по званию и больше не тянуть. Потому и сказал, ошарашив майора:

– Николаич, не надо было оставлять тебе эту папку в машине...

– Чего? – лицо у Туманова вытянулось. – Ты хочешь сказать, что папку сперли?

Ваняшин кивнул. А Грек расхохотался, вспомнив, как Туманов всем и каждому нахваливал установленную на машине сигнализацию.

– Да, Николаич. Как говорится, на хитрую жопу всегда найдется лом винтом, – последовало от капитана справедливое замечание, на которое Федор отреагировал болезненно.

– Как же так? – недоуменно пожимал он плечами, недобрым словом вспоминая того, кто ее устанавливал. Ведь гарантию давал. И Федор с готовностью бы заподозрил в случившемся его, если б не знал, что специалист по автосигнализации отбыл в очередную ходку. Да и вряд ли он мог знать, какие документы попали к майору Туманову. А по заверениям Ваняшина, пропала только папка с документами. Даже новая дорогая магнитола осталась. Еще в бардачке была маленькая видеокамера, которую иногда использовал в работе Федор. Так вот взломщик тоже не позарился на нее. А папку с документами, которые собрал Нельсон, взял. «Значит, он следил за мной,» – решил Туманов, медленно приходя в себя от свалившегося на него огорчения. А по поводу сигнализации более детально прояснил лейтенант Ваняшин:

– Там недалеко асфальт кладут на дороге.

– И чего? – хмуро спросил майор, хотя, узнав про это обстоятельство, уже и сам предположил, как все происходило.

– Дежуривший возле дверей сержант видел красную иномарку. Но как лезли в машину, не видел. И сигнализации не услышал из-за грохота. Каток так молотит, что уши закладывает. Стекло с правой стороны разбили. В двери. Вот так, Николаич, – сказал Ваняшин и положил сверху на инструкцию ключи от машины майора Туманова.

– Спасибо, родной. Утешил меня, – с легким поклоном ответил Федор, понимая, что произошло не поправимое. Исчезли документы.

Ваняшин сказанное майором, принял за обвинения. Хмыкнул.

– А я-то здесь при чем, Федор Николаевич? Не я же в машину за документами залез. Надо было сразу их принести сюда и никаких бы проблем не возникло, – казалось молодой лейтенант пытается поучать опытного опера, который так лоханулся. Но лоханулся случайно. Не придавал значения тому, насколько было ценное содержимое той папки. Иными словами проявил небрежность, а кто-то этим воспользовался. Причем, самым варварским способом. Разбив у машины стекло.

– А могли возникнуть и другие проблемы. Более существенные, чем кража, – сказал Грек и тут же добавил: – Видно эти бумажки дорогого стоят, – он взял со стола фотографию старика и еще раз внимательно взглянул на нее. – Рожу эту надо запомнить. Вдруг, где встречу.

Глава 3

С внезапной отставкой полковника Князева, многое изменилось в работе оперативного отдела. И Нельсон, один из опытейших сотрудников, заметил это сразу. Хотя надо быть полным профаном, чтобы не обратить внимания на такую существенную деталь, когда многие оперативно-поисковые дела открытые еще при Князеве, теперь стали закрываться и списываться в архив. Причем, создавалось впечатление, что люди, работавшие по ним и год и два, попросту тратили все это время впустую, не стыдясь при этом ежемесячно получать зарплату и премию за успешную работу.

Казалось, сменивший полковника Князева, майор Тыймуков, до этого работавший в областном управлении, нисколько не заинтересован в доведении до конца уже начатых дел, многие из которых, по его мнению, просто были бесперспективными и подлежали немедленному списыванию. А оперативники, работавшие по ним, попали на особый учет к майору, который напоминал просеивание через сито. Стаж работы во внимание не брался. Зато скоро в штате отдела один за другим стали появляться незнакомые люди, которых Тыймуков, минуя все формальности, быстро перетащил из области к себе.

Затевалась какая-то большая игра, о которой старые фсбэшники подозревали, но не понимали ее сути. Эти новые сотрудники держались особняком ни в чем не доверяясь «старичкам». И Нельсон скоро понял, осуществляется планомерное выдавливание из отдела таких, как он. Заслуги не учитываются. И он всерьез задумался о том, что пора и ему покинуть структуру, в которой он проработал почти двадцать лет. Самое лучшее, это умыть руки, вежливо распрощаться с новым шефом и отправиться на пенсию. Но до такого счастливого периода не хватало каких-то двух с половиной лет. Казалось бы, небольшой срок, но он не позволял капитану оперативного отдела почувствовать себя свободным человеком. Из этого вытекало, что ему оставшийся период, надлежит пробегать на побегушках у какого-нибудь молокососа пригретого щедростью майора Тыймукова.

После того, как было покончено с Мономахом, в поле зрения капитана Нельсона попал авторитетный вор Академик. Заполучив на него установочные данные, Нельсон представил их полковнику Князеву на обсуждение, и вместе с ним они пришли к выводу, что именно Академик с его опытом и умением вести дела, наиболее подходящая кандидатура, чтобы занять освободившееся место главного вора. Пусть это произойдет не вот так сразу. Академик обладает огромным терпением и умеет ждать. И среди законных, имеет недюжинное влияние.

Пожалуй, в силу своей ограниченности мышления, а может быть недостаточного опыта, поговаривали, будто до этого Тыймуков работал начальником информационного отдела, он не знал, что часть дел, с разрешения полковника Князева, до поры не регистрировалась, хотя по ним так же велась работа оперативными сотрудниками ФСБ. Составлялись планы, были задействованы внештатные агенты. И такая неосведомленность вышестоящего, позволила подчиненному Нельсону изъять дело по Академику и до поры хранить его у себя дома. Пока Нельсон не почувствовал, что за ним следят. Причем, делалось это с таким профессионализмом, с такой тщательностью, что появилось подозрение, уж не свои ли коллеги чекисты, из набранных Тыймуковым новичков, решили попасти его. Чувствовалась школа. Где бы он ни был, где бы ни появлялся, везде рядом был приглядывающий за ним человек. Они менялись, эти человеки, чтобы Нельсону не примелькалось одно и то же лицо. Но всегда наблюдатель был где-то рядом. Это были, то люди, примерно такого же возраста, как и он сам. То совсем молодые сопляки, от которых ему уйти не составляло труда. Только зачем это делать? Тогда вместо такого ротозея пришлют сотрудника поопытней. И провести такого, будет сложнее.

Не сказать, чтобы эта слежка забавляла Нельсона. Скорее утомляла, а главное, мешала нормально работать, встречаться с агентами. И, к сожалению, пока не удавалось выяснить, кто же, все-таки, осуществляет за ним наблюдение. Зато оперативные мероприятия, в том числе и слежку за Академиком, осуществлять становилось все трудней. Как будто кто-то предупреждал вора. И он довольно быстро в нескольких банках закрыл свои счета на большие суммы. Это настораживало Нельсона. Агенты сообщали, что Академик реже стал появляться в ресторанах и казино, где до этого частенько любил пошиковать, разбрасываясь деньгами направо и налево. Теперь во всех своих делах вор проявлял крайнюю осторожность. И даже очередной сходняк воров он назначал, где-нибудь в таком месте, о котором и не подумаешь, обзванивая всех в самый последний момент. Поэтому всякую оперативную разведку за Академиком, капитан Нельсон прекратил. Он просто физически не мог ее выполнять. И теперь оставалось только ждать, а еще беречь то, что уже имелось на авторитетного вора.

С этим как, оказалось, получалось не все ладно. Вернувшись однажды поздно вечером, домой, он обнаружил, что в его квартире произведен обыск. Причем, проделано это с особой тщательностью, достойной похвалы, что нельзя было не отметить.

Поинтересовавшись у соседей, Нельсон узнал, что с утра в их подъезде работала бригада штукатуров. По словам соседей, очень старательные ребята. Но только один Нельсон знал истинную цену их стараний. Два сверхсекретных замка на его двери открыли с легкостью.

— Готовили подъезд к ремонту, — сказала соседка. Другая была менее довольна их работой: — Да они больше сидели. Два раза мазнули кистью по стене и все. А вы разве не видели их, когда уходили на работу? — спросила она у Нельсона. Нельсон их действительно не видел.

— Нет. Не видел. Я ведь рано на работу ухожу, — не стал ее утомлять Нельсон и постарался закончить этот разговор. Про то, что в его квартире побывали непрошенные гости, он никому не сказал. Но понял, чего они у него искали. Только ребята немного опоздали. Пару дней назад, вернувшись с работы, Нельсон зашторил окна и включил в комнате свет, чтобы у того, кто наблюдал за его квартирой, появилось устойчивое мнение, что капитан дома. Сам же он воспользовался крышей. Вышел из последнего подъезда и, пройдя несколько домов, вызвал такси. Надо было срочно съездить на конспиративную квартиру, на улицу Некрасова. Там Нельсон бывал очень редко.

Возможно, те, кто за ним следит и днем и ночью, уже пронюхали и про нее. Но он оказался не настолько глуп, чтобы прятать документы в самой квартире. Под окном, во дворе, стоял старый «Москвич», перепавший Нельсону в наследство вместе с квартирой от одного из старейших агентов, скончавшегося несколько лет назад. Теперь драндулету с ржавыми колесами, вросшими в землю, на время предстояло побыть тайником для хранения тех самых документов. Насколько? Нельсон вот так с ходу не решил. Признаться, к нему не раз и не два приходила мысль официально зарегистрировать собранный материал. Но тут же его посещало смутное разочарование, что это даст? При желании, любая бумажка из материала может быть легко изъята. И все его труды могут сначала попасть, скажем, на стол к тому же майору Тыймукову, а потом и просто исчезнуть. А для него... для него эта регистрация не дает личной безопасности. Ведь он тот человек, кто насобирал весь этот компромат на влиятельного вора, имеющего массу своих людей в силовых структурах. В том числе, наверняка, и в ФСБ.

Нет, все это должно попасть к такому человеку, который если, и не даст делу ход, то хотя бы до нужной поры сумеет сохранить труды не одного десятка людей. И тут капитан вспомнил о Федоре Туманове, с которым их однажды свела судьба. Более подходящего человека Нельсон не представлял для этого дела.

Возвращался с конспиративной квартиры Нельсон опять на такси. К дому подъезжать не стал, чтобы парень сидящий в машине напротив подъезда не запомнил номер и потом не

приставал к таксисту с расспросами, куда тот возил Нельсона. И проходя мимо дремлющего в машине наблюдателя, не отказал себе в соблазне, чтобы не поиздеваться над склонившим голову парнем. Довольно сильно ударил кулаком по крыше, так, что парень вздрогнул и рявкнул в окно:

– Проснись, раздолбай! Нас обокрали! – И громко рассмеявшись, пошел в подъезд, представляя физиономию парня, который был уверен, что Нельсон находится дома. И вдруг тот вот, на улице и еще успел куда-то смотаться. Теперь парень ломал голову над тем, каким невероятным образом тому удалось пройти мимо него незамеченным.

На другой день, ближе к вечеру, Нельсон позвонил Туманову. Откладывать было нельзя. Надо же сообщить ему, где находятся бумаги.

Глава 4

Было около двенадцати, когда Федор вернулся домой. Свет в квартире не горел, и Федор был уверен, что Даша уже спит. Он тихонечко разделся и уже хотел ужом заползти на постель, чтобы не будить спящую Дашу, как вдруг она открыла глаза и, протянув руку, включила настольную лампу.

– Дашка, ты не спишь? Я крадусь потихонечку, а она, не спит.

Девушка улыбнулась.

– Как верная подруга терпеливо жду возвращения своего любимого, – сказала Даша и откинула одеяло.

Федор замер как вкопанный. Вид обнаженной красавицы одновременно завораживал его и возбуждал. И он даже не притрогавшись к ней, подумал: «Боже! Как она хороша». Иметь рядом такую красавицу. Любой мужчина с радостью мечтал бы об этом. Он бы, наверное, носил ее на руках, берег как самый дорогой бриллиант. А Федор... Для него Даша таскает из магазинов сумки. Готовит. Стирает. И он свyksя с этим, как будто так и надо, по сути, превратив ее в рабыню. Даже заниматься любовью они стали реже, не так, как раньше.

Федор попытался вспомнить, когда это было последний раз. Оказалось ровно неделю назад. То он задерживается на работе и возвращается тогда, когда Даша уже спит. То приходит настолько уставший, что сил хватает едва доползти до постели. А обделенная его вниманием и ласками Даша, все терпит. И Федор не знал, насколько хватит ее терпения. Но ведь когда-нибудь может и не хватить.

– Что ты так смотришь на меня? – вопрос прозвучал коварно и с откровенным укором. – Как будто первый раз видишь.

Федор немного смутился, хотя такое с ним случалось редко при общении с женщинами. Но Даша... Даша, совсем другое. И майор не нашел ничего лучшего, как ляпнуть:

– Восхищаюсь, как картиной.

Даша нисколько не обиделась, хотя при желании, все сказанное Федором, можно было принять за подкол. И сравнение с произведением искусства не очень-то понравилось ей, потому что среди художников довольно часто попадаются обыкновенные халтурщики, копирующие под великих мастеров. Но разве холст, пусть даже с самым совершенным шедевром, может заменить ее живую? Жаль, что Федор не часто любит ее. А ведь красота увядает. Как цветок. Даша улыбнулась.

– Отчасти ты прав. Пожалуй, скоро так и будет. Ты, вместо того чтобы заниматься со мной сексом, будешь только смотреть на меня и восхищаться. А я... – она нарочно не договорила, замолчала, заставив его застыдиться. Пока на нее можно не только глядеть.

Федор не понял, что означала ее недосказанность.

– Это что такое, Дарья? На что ты намекаешь?

– Ни на что, – обиженно поджала девушка губки. – Если не дурак, сам поймешь. После работы ты пропадаешь где-то. Возвращаешься поздно. А может, ты завел себе любовницу? А, Туманов? Ну-ка, колись?

– Глупенькая, – улыбнулся Федор, прикоснувшись губами к ее плечу. – Иметь такую женщину как ты да еще заводить любовницу...

– Не знаю, не знаю, – Даша старательно делала вид, что здорово обижается на Федора. И решила проверить, как он отреагирует: – Смотри, Федор, – предупредила она. – Дождешься, что я заведу себе любовника, – сказала полушуткой, полусерьезно.

Федор принял ее слова все-таки за шутку, поэтому и отреагировал достаточно спокойно. И в свою очередь пошутил тоже, сказав все с тем же спокойствием в голосе:

– Только попробуй. Я тебя не отдам. Тогда я твоего любовника сразу застрелю. Уж постоять за себя я всегда сумею. Будь уверена.

– Ну, в этом я не сомневаюсь, – фыркнула Даша. Ожидала от Туманова не такого признания. Думала, он кинется клясться ей в любви, будет умолять не изменять ему. А он вот как. Просто пригрозил. А ведь и правда может убить. Что возьмешь с мента? Да еще с такого.

По выражению лица Даши, Федор понял, что малость перебрал в словах. Быстро скинув с себя рубашку с брюками и трусами, он набросился на Дашу. Так царь зверей бросается на добычу. Только в отличие от хищного зверя, желания Федора были наполнены самими нежными чувствами к любимой девушки.

– Ты знаешь, моя милая, я постараюсь исправиться и сделать все от меня зависящее, чтобы у тебя и мысли не возникало о любовнике. – Он раздвинул ее ноги, и больше не собираясь тратить время на пустые разговоры, вошел в нее. Наверное, получилось немного грубовато, потому что Даша ойкнула, полу прикрыв глаза. Но сдержать себя он больше не мог. Прижимая Дашу к постели, сделал несколько сильных толчков, входя в нее все глубже и глубже. Увидел, как девушка, словно собираясь его укусить, раскрыла рот, а глаза ее при этом сделались влажными, как будто она вот-вот расплчется.

– Федор, любимый, прошу, не так быстро. Я не могу, – попросила она. Но Федор не обращал внимания на ее просьбы, чувствуя себя в этот момент сексуальным маньяком. Толчки его делались все быстрее и быстрее, и Даша от них пришла в ярость. Она раздвинула широко ноги, словно собиралась Федора целиком втянуть в себя. Потом забросила их Федору на спину, судорожно впившись острыми ноготками ему в плечи и дрожащим от сильного экстаза голосом, взмолилась:

– Прошу, остановись хоть на мгновение. Дай мне кончить. Прошу...

И когда Федор в очередной раз вогнал в нее свой член до упора, Даша громко вскрикнула и руками и ногами прижала его к себе, не давая даже пошевелиться. Из глаз девушки потекли слезы. Она плакала от нахлынувшего безумия, чувствуя себя самой счастливой на свете.

Потом она словно растаяла, распластавшись на постели, и долго так лежала, пока окончательно не отошла от возбуждения.

– Ты заплакала?... – осторожно спросил Федор.

– Просто я давно не чувствовала себя такой счастливой, – сказала на это Даша. – А теперь ты дал мне эту возможность...

Она была в ванне, когда зазвонил телефон. Федор подошел, снял трубку.

– Алло?! Я слушаю?! Говорите? Кого вам? – сказал он, слыша, что на другом конце неприятно молчат. Потом там вовсе положили трубку.

Туманов хмыкнул и отошел от аппарата. В последнее время телефонная связь работала ни к черту. Часто ошибались номером. А то вот такие звонки. Причем, подобное случалось не только днем, но и ночью. Можно было в вечернее время и на ночь отключить телефон, чтобы оградить себя от проколов телефонной станции, но как быть, если позвонят с работы. Приходилось терпеть, иногда по несколько раз подходить к телефону. Вот как в этот раз. Опять раздался звонок, и Федор, вскочив с постели, опять подбежал и снял трубку.

И опять в трубке напряженное молчание. Звонили явно ни ему.

Федор покосился на дверь ванны, за которой плескалась Даша. Может это ее? Но кто вздумал потревожить ее в такое время? Вряд ли мало знакомый человек. Мало знакомый не позволит себе такую наглость. Значит, это человек, у которого с ней какие-то отношения. Сразу, почему-то вспомнил, как она говорила насчет любовника. Может и искать-то его совсем не нужно? Может, он уже есть у нее? И теперь изнемогая без нее, решился на отчаянный шаг. Позвонить ей.

Когда Даша вышла из ванной, обтираясь полотенцем, Федор сказал:

– Пару раз звонил телефон. Снимаю трубку, молчат...

– Ну и что? – Даша попыталась напустить на лицо побольше равнодушия. Но это у нее получилось неважно. Федор смотрел в ее глаза и заметил тщательно скрываемое волнение. Стало неприятно на душе.

– По-моему, это тебя, – он потянулся, достал со стола пачку сигарет и пепельницу с зажигалкой. Закурил. Старался казаться спокойным. Но нервишки разошлись. Потому и закурил в постели. Даше это всегда не нравилось. Но она сдержалась от замечания. Отложила полотенце. И улыбнулась, стараясь казаться безразличной. Села рядом на постель.

– Ну, что ты, Федор? Что-нибудь не так? Скажи, пожалуйста? Прошу.

Он пожал плечами, но ничего не ответил. Сидел, курил и о чем-то раздумывал. Даша, посмотрев на него, вздохнула. Всегда знала, что он ревнивый до ужаса, но уж не до такой степени.

– Ну, не хватало еще устроить сцену из-за такого пустяка. Какой-то идиот ошибся номером, а ты уже вбил в голову невесть что. Федор? Ну, перестань, пожалуйста, дуться. Честное слово, ведешь себя как мальчишка. Да и разве это повод для обид? Федор? Ну, перестань.

В это время опять зазвонил телефон, но Даша, кажется, не имела намерения подойти и снять трубку. Сидела, и как ни в чем не бывало, вытирала полотенцем голову. Но Федор заметил, как настороженно метнулся ее взгляд на телефонный аппарат. И тут же вернулся назад.

– Я думаю, что тебе надо подойти и снять трубку. Возможно, тебе ответят, – посоветовал Федор, после, почти минутного, трезвонья телефона. – А то он ведь нам заснуть не даст, – кивнул он на аппарат.

– Ну, если ты так хочешь, – раздраженно проговорила Даша. Встала и подошла к телефону. Обернулась на Федора и сняла трубку.

– Да?! – сказала она в трубку и тут же замолчала. Прислушиваясь.

Федору показалось, что ей ответили. Пожалел, что в эту минуту нет возможности прослушать то, что слышала она. Уж очень интересно.

Прошло не меньше полминуты, прежде чем Даша положила трубку, сделала удивленное лицо и, повернувшись к Федору, сказала:

– Ничего не пойму, – чтобы убедить его в правдивости своих слов, она даже хмыкнула. – Кто-то позвонил, и ни слова. Даже странно.

Увидев, что Федор уже лежит в постели, она подошла и легла рядом. Тусклый свет настольной лампы освещал ее лицо. Теперь на нем не было улыбки. Федору оно показалось чересчур серьезным и задумчивым. Затянувшееся молчание первым нарушил Федор, спросив:

– Ты мне ничего не хочешь объяснить?

– А что объяснять, Федор? – она протянула руку и выключила лампу, делая вид, что хочет спать. – У нас только что с тобой был такой изумительный секс, – в ее словах послышался укор. – А теперь ты строишь какие-то необоснованные фантазии по поводу телефонных звонков. Что с тобой, Федор? Может, ты перенапрягаешься на работе?

– Может быть. В наше время все может быть, – он вздохнул. – Ладно. Давай спать. У меня завтра дел полно. Да и тебе надо отдохнуть.

Но заснуть Федор долго не мог. Ночь оказалась на редкость душной, какие обычно бывают перед сильной грозой.

Кажется и Даша не спала, часто ворочалась с боку на бок и в конце концов тихонько встала и не надевая халата, голая пошла на кухню, перед этим взглянув на Федора. Федор как хитрый лис, старательно сделал вид, будто спит. Наверное, таким его хотела видеть подруга. Так зачем же ее разочаровывать? Тем более, это ни в его правилах.

Полежав несколько минут на постели в одиночестве, Федор тоже встал и босиком пошлепал в кухню. Уж что-то долго Даша там задерживается. Неужели он так расстроил ее своими подозрениями?

Она стояла у окна. Федор подошел сзади, но она даже не обернулась. Она словно ждала его, и когда он появился, кивнув на окно, сказала:

– Смотри, вон та машина. Раньше я ее никогда не видела тут. – Она чуть отодвинулась, дав ему возможность выглянуть во двор.

Внезапно небесную черноту прорезала вспышка молнии, и при ее свете Федор увидел стоящую внизу «восьмерку» серого цвета с отсутствующим номером. За время работы в уголовном розыске давно привык ко всякого рода неожиданностям. Но теперь почему-то испытывал трепетное волнение, связывая появление этой машины со звонками на его домашний телефон. Может Даша здесь вовсе и не при чем. А его подозрения про пылкого любовника и в самом деле, всего лишь – досадная фантазия ревнивца. А дело обстоит гораздо серьезней. Ведь точно такую же «восьмерку» он видел в момент убийства Нельсона. Еще лицо того парня. Но сейчас в машине вроде бы никого не было.

Подождав следующей вспышки молнии, Федор довольно невежливо отодвинул плечом Дашу и, откинув штору, открыл окно и выглянул вниз. При этом испытывая неприятное ощущение.

Так и есть. В машине никого не было. Но тогда... Тут его осенила мысль. Он резко обернулся, едва не толкнув Дашу.

– Закройся в ванне и пока не выходи оттуда, – шепотом, но довольно настойчиво, сказал Федор девушке, подтолкнув ее к двери.

Даша ничего не понимала и только недоуменно хлопала глазами, как кукла, которую заботливые руки ребенка укладывали спать рядом с собой. Но в отличие от безмолвной игрушки Даша заупрямилась:

– Но я не хочу сидеть в ванне. Федор, что происходит? Ты мне можешь объяснить? А то я ничего не понимаю. Федор...

– Тихо, – прошипел Федор, приложив палец к губам, чтобы подруга не повышала голос. – Пожалуйста, сделай все, как я говорю. И ради бога, не шуми. Очень тебя прошу. Ладно?

– Ну, ладно. Только... – Даша пожала плечами.

– Иди. Прощу тебя, – Федор втолкнул ее в ванну и бросился в комнату, где находилась балконная дверь. Ложась спать, нарочно не стал закрывать ее. Думал, в квартире будет посвежее. Но, как оказалось, свежей не стало, а вот преступникам это дает шанс беспрепятственно попасть в его жилище. Наверняка, теперь какой-нибудь удалец спускается с крыши по веревке, норовя угодить к нему на балкон. Хуже, если он уже близок к завершающей цели. Тогда Федору жить осталось всего несколько минут. Эти черти как будто знали, что свой пистолет он оставил в сейфе. А может, их предупредили о распоряжении начальника управления, что сотрудникам запрещено брать оружие домой. Так или иначе, но сейчас следовало что-то срочно предпринять. Звонить дежурному на пульт и попросить прислать группу немедленного реагирования? Займет много времени, а тут все решают порядка несколько минут. И Федор решил, что надо действовать самому.

Схватив, что первое попало под руку, а это оказалась пустая бутылка из-под шампанского, которую Даша собиралась выкинуть и оставила на столе, Федор в несколько прыжков оказался в комнате возле балконной двери. Увидел свисавшую рядом с балконом веревку, похожую на канат, которая то и дело колыхалась. А еще он услышал натуженное пыхтение. Видно тот, кто спускался по ней, не обладал навыками альпиниста и не столько беспокоился о тишине, сколько о собственной безопасности, боясь свалиться вниз на асфальт.

Сей факт, очень обрадовал майора Туманова. Значит, тот, кто спускается, не чувствует уверенности, и если немного постараться, можно лишить его возможности держаться обеими руками за веревку, что неизбежно приведет к падению. И увесистая бутылка из-под шампанского даже очень сгодится, чтобы дать не прошеному гостю по рукам.

Федор осторожно выглянул. Увидел белые кроссовки и спортивные брюки, которыми спускавшийся сжимал веревку. На руках у него были одеты перчатки, какие обычно используют спортсмены велосипедисты. Но хватать ими Федора за горло, он, разумеется, не собирался. Для ликвидации мента у него есть кое-что посущественней. Например, пистолет с глушителем. Он не потревожит соседей, а результат от него будет куда эффективней, чем от применения перчаток. Да и после трудного спуска, пальцы у него будут не такими цепкими, чтобы применить испытанный дедовский способ убийства. Он пристрелит майора, потом введет Даше сильную дозу наркотика и когда она будет в бессознательном состоянии, свинтит со ствола глушак. Пистолет вложит в ее руку, будто это она застрелила своего сожителя мента, находясь под наркотическим дурманом. Придумано все со смыслом. Иначе, зачем вся эту процедура со спуском по веревке? Легче было подкараулить его у подъезда. Или где-нибудь на улице, вон как Нельсона. С тем поступили проще. Туманова решили убрать по другому.

Вот уже кроссовки спускавшегося коснулись балконного ограждения. Трех секундная остановка для передышки, после чего тот прыгнет на балкон и бесшумно, словно кошка, крадучись шагнет в комнату. Но пока он еще стоит вытянувшись, держась обеими руками за веревку, и Федор не видит его напряженного лица. Но видит живот и все то, что находится ниже. И если ударить бутылкой посильнее ему в пах... Тут уж не промахнешься, когда такая мишень перед тобой.

Упустить такой шанс, значит навсегда остаться глупцом. Кроме того, что он сам лишится жизни, так он еще Дашу подвергает опасности.

Федор размахнулся, чтобы ударить как следует.

В последний момент спускавшийся разглядел на балконе голого человека. Рука его метнулась под спортивную куртку, где за поясом находился готовый к стрельбе пистолет. Но воспользоваться им он не успел. Получив сильный удар бутылкой между ног, он громко взвыл, огласив ночную тишину своим протяжным воплем. И рука вместо пистолета, опустилась к ушибленному месту, прикрывая его от следующего удара, наносить который Федору так и не пришлось. Тело качнулось и вдруг левая рука, сжимавшая веревку, разжалась, и человек опрокинулся спиной в темное пространство, как иногда делают ныряльщики с вышки. Но к его сожалению, внизу была не вода, а твердый асфальт, который не обеспечивал мягкого и, главное, безболезненного падения. Вероятно, тот парень об этом не подумал.

И Федор услышал глухой удар. Выглянул.

Внизу, под балконами, раскинув в стороны руки, лежал человек, который только что пытался сделать ужасное. Он предпринял попытку убить майора Туманова. Но судьба распорядилась иначе. Майор стоял и смотрел вниз, а несостоявшийся убийца лежал на асфальте с проломленным черепом без признаков жизни. Он немного не рассчитал. А может и много. Но теперь, это уже было неважно. Ведь он, мертв.

Вспышка молнии осветила его всего. Лица трудно было разглядеть. Одно сплошное месиво из костей и много крови. Она растеклась по асфальту. Киллер не думал о своей смерти. Он выполнял заказ. О своей смерти киллеру думать не положено. Кое-что не учел. И умер.

Из ванной высунулась голова Даши.

– Федор, что там? Какой-то шум. Что происходит? – боязливо спросила она, завернувшись в большое махровое полотенце. Выходить голой не решилась.

– Да так, – Федор хотел сказать обо всем случившемся как-нибудь помягче, но не находил таких слов, поэтому сказал, как есть: – Кажется, меня хотели убить. Вон тот человек, – он кивнул вниз.

– Убить? – вскрикнула Даша, выскочив из ванны. – Федор, ты что?

– Только что, сверху к нам по веревке спускался человек с пистолетом... Мне повезло. Он немного не рассчитал свои силенки и сорвался вниз. Слабак оказался. И чего на такое серьезное дело пошел, дурак.

– Сам сорвался? – недоверчиво спросила Даша, полагая, что без участия ее любимого майора такое произойти не могло. Но Федор не моргнув глазом попытался убедить ее в обратном:

– Ну, а то. Конечно, сам. Теперь лежит бедняга внизу. Ты не ходи, не смотри, – попросил он, видя, что Даша собирается выйти на балкон и глянуть. – Надо позвонить в дежурку, – поплелся майор к телефону.

Но Даша все-таки не послушалась Туманова. И уже через минуту Федор услышал ее голос, в котором слышалась обида за вранье:

– Ты вздумал надо мной пошутить? Да? Страшилками побаловать?

– То есть? – не понял Федор. Номер пульта он уже набрал, и теперь слышал возглас дежурного по поводу звонка. – Извини, браток, Я сейчас перезвоню, – сказал Туманов, положил трубку и вышел на балкон, где его дожидалась Даша.

– Ну и где твой убийца? – колко спросила она, когда он встал рядом.

Небо точно раскололось пополам, и на землю хлынул дождь.

Федор свесил голову вниз. Человека, который еще пару минут назад лежал под балконами на асфальте, теперь не было. Кровь, оставшуюся после него, быстро смыли потоки дождя.

Даша смотрела на него недоверчиво. И Федор не выдержал.

– Ну, что ты смотришь на меня как сумасшедшего? Думаешь, я вру?

– Федор, где же он тогда, в таком случае? Встал и убежал?

– Не знаю, – огрызнулся Туманов, и чтобы у нее отпали все сомнения, схватил веревку, которая теперь почему-то была не посередине балконного ограждения, а возле самой стены. – А это что, по-твоему? Тесемка для сушки белья? Он спускался сюда по этой веревке. – Тут же Федор вспомнил про машину. Серая «восьмерка», стоящая с противоположной стороны дома под кухонным окном. Надо глянуть.

Вместе с Дашей они пошли в кухню.

Машины под окном уже не было. И это особенно удивило Дашу.

– Федор, я ничего не понимаю. А ты? – вопрос прозвучал по-детски наивно. Иногда такое случалось с его подругой. Хотя по большому счету и понимать-то здесь нечего. Кому-то Туманов просто перешел дорогу. И здорово перешел, за то и решили убрать. Он призадумался.

– Я, кажется, кое-что понимаю, – ответил он, раздумывая как теперь поступить, как объяснить дежурному по поводу своего внезапного звонка. Но, так или иначе, а вызов группы придется отменить. И Федор позвонил, извинился и сказал, что тут во всем разберется сам, и, кажется, дежурный успокоился. Приставать с расспросами не стал.

– Думаю, это все из-за убитого капитана Нельсона, – сказал Федор Даше, тут же напомним: – Я тебе рассказывал про него. Теперь им видно хочется добраться до меня.

– Но почему, Федор? Он фэсбэшник, а ты опер. У него свои дела, а у тебя свои. Зачем ты влез в это дерьмо? Можешь ты хоть немного пожить без приключений? Если бы ты знал, как мне тяжело, – Даша легла в постель и заплакала. Не о таком счастье она мечтала. И только теперь поняла, каково это, любить мента. Никому такого не пожелает.

Заметив, что Федор надевает брюки и рубашку, Даша забеспокоилась. Не хватало еще, чтобы он сгоряча понаделал глупостей.

– Ты куда собираешься, Федор?

– Пойду, гляну. Может эти уроды еще не уехали. Хотелось бы запечатлеть ихние рожи, чтобы проверить по картотеке, – ответил Федор, уже зашнуровывая кроссовки.

Даша подошла, присела рядом на пуфик.

– Федор, милый мой, любимый! Не ходи, прошу тебя. Ведь если они пытались тебя убить в собственной квартире, то, что им помешает сделать это на улице? Не ходи, Федор, – взмолилась Даша, хотя и понимала, что переубедить упрямого майора ей вряд ли удастся.

– Дашенька, ты пойми, я должен пойти. Может быть, этот скалолаз вовсе и не умер, а всего лишь ранен, тогда надо вызвать «скорую». Ну, согласись, это же слишком мучительно, лежать с разбитой башкой на асфальте и ждать своей смерти. Умирать в страшных болях.

– Да, но ведь он сам накликал на себя эту смерть. Зачем пытался убить тебя? Зачем лез к нам на балкон? Разве мы его звали? Ну, скажи, пожалуйста? – Даша едва сдерживала слезы, чтобы не расплакаться, удивляясь доброте Федора. Жалеет какого-то убийцу. А ведь если бы повезло тому, вряд ли бы он стал переживать за майора и с радостью бы разрядил в того всю обойму, лишь бы не оставить в живых.

Закончив с кроссовками, Федор встал, но прежде чем выйти, решил признаться своей подруге:

– Понимаешь. Не хотел тебе говорить, чтобы уж не выглядеть в твоих глазах слишком жестоким, но ведь это я столкнул его с балкона.

– Ты? – испуганно спросила Даша. За того человека она не переживала. Считала, он получил то, что заслужил. А вот Федор?.. Что теперь будет с ним? Выходит, он повинен в смерти того человека. И как теперь Федор будет докучивать в прокуратуре, что тот пытался убить его. Веревка? Это еще не аргумент. А для прокурора все люди, что убийца, что тот, кого он пытался убить. Все граждане. И имеют право на защиту. По закону. А Федор переступил закон, столкнув того с балкона. И Даша испугалась. «Что же теперь будет?» – подумала она.

– Я, – как бы с сожалением произнес Туманов, – ударил бутылкой ему по яйцам. Он и загремел вниз. Пойду, гляну. Если живой, вызову «скорую». Черт с ним, грешным. Хотя мне показалось, что он готов.

Даша ничего не ответила. Когда Федор ушел, заперла дверь на все имеющиеся на ней замки и побежала на балкон. Высунув голову под дождик, глянула вниз.

Видела, Федор вышел и осветил фонарем себе под ноги. Потом наклонился, и что-то поднял с асфальта. «Господи! Да что же он там долго?» – думала она, чувствуя, как у самой лопается терпение и еще немного, и она оденется и спустится к нему. Обрадовалась, когда он вошел в подъезд. Побежала к двери и, прислонив ухо, слушала его шаги.

– Что? Что ты там нашел? – спросила она, едва он вошел.

– Во, – показал Федор. В руке он держал пистолет с глушителем. – А труп нету. Исчез. Я весь двор осмотрел. Получается, он был не один. И тот, кто должен был его прикрывать, и увез труп. В машине увез.

– Но зачем? – спросила Даша и посмотрела на Федора. Тот, кажется, воспринял вопрос как насмешку. Спросил:

– А ты разве не понимаешь?

Она действительно не понимала и помотала головой.

– Не-ка. Честно не понимаю. На фига кому-то сдался труп? Гадость.

– Чтобы не оставлять его на месте преступления. Отвезут, закопают где-нибудь. А возможно, он только ранен. Тогда они его дострелят...

– Боже! Какая жестокость, – изумилась Даша, считая, раз Федор так говорит, значит, так и есть на самом деле. Ему ли, оперу, не знать.

– По другому, эти люди не могут. Они приучены поступать так. А пистолетик этот, – показал Федор «макаров» подобранный на асфальте, – надо будет проверить. Судя по внешнему виду, он старенький и, возможно, пуля, когда-то выпущенная из него, уже попадала к нашим экспертам. Завтра узнаю.

Утром, майор Туманов, сгорая от нетерпения, зашел в экспертный отдел и застав там одного Мушкаренко, попросил:

– Антоныч, глянь эту вещицу. И баллистам покажи. Пусть проверят. Может, проходит она по вашей картотеке? – подал он главному эксперту пистолет, тщательно упакованный в целлофановый пакет.

Не доставая «ствол» раньше времени из пакета, Антонович повертел его в руках, напрасно пытаясь рассмотреть заводской номер. Тот, кто владел этой игрушкой, не был дураком и предусмотрительно сточил номер.

Главный эксперт несколько задумчиво хмыкнул по этому поводу.

– Ладно. Оставляй. Посмотрим. А откуда вещица-то? Если не секрет.

Туманов кивнул на «ствол».

– Какой там секрет. Сегодня ночью, из него меня хотели шлепнуть.

– Вот как, – оживился Мушкаренко. Не каждый из сотрудников управления мог похвастаться подобным откровением. А Федор мог.

– Верховлаз спустился по веревке ко мне на балкон. Но видно не подрассчитал силенки и в самый последний момент сорвался. Упал.

– Насмерть? – с любопытством спросил Антонович.

– А черт его знает. По моим предположениям – труп, или же тяжело ранен. Я потом спустился, а верхолаза уже нет. Там машина стояла. У нас во дворе. Скорее всего, на ней его и увезли. Не один он был.

Антоныч понимающе кивнул.

– В больницу они его не повезут, – со знанием дела подытожил все рассказанное Федором эксперт. – Думаю, сделают дырку в башке и где-нибудь запрячут. Так они частенько поступают со своими безнадежными подранками. Тем более, это не авторитет, а простой исполнитель. Такого всегда найдется, кем заменить. Согласен?

– Да. Я тоже так думаю, – согласился Федор. Как и все в управление, уважал Антоныча, прежде всего, за опыт. От возраста никуда не денешься. Хочешь того, или нет, годы сами приходят, не спрашиваясь. Но опыт – это великая штука. Особенно такой, как у Мушкаренко. Не каждый может им похвастаться. И Антоныч не хвастается. Скромняга, старичок, а дело свое знает. И порассудив немного, главный эксперт заботливо предупредил:

– Но ты, майор, не сиди, сложа руки. Не жди, когда к тебе опять сунутся. Сегодня тебе просто повезло. Но везение, вещь относительная. А лучшая защита, это, как известно, нападение, – посоветовал Антоныч. В свою очередь он тоже уважительно относился к молодому майору, рассуждая примерно так, что в хреноту бандиты стрелять, не станут. А Туманов, это не хренота. Толковый сыщик.

– Ты знаешь, где искать надо? – поинтересовался Антоныч, намекая Туманову, что покушение на него, скорее всего, связано с каким-то делом, которое находится у майора в разработке. Потому преступники и суется, не хотят, чтобы майор довел дело до конца. Ой, как не хотят.

– Да. Я примерно представляю, с чем все это связано, – сказал Федор.

– Вот в том направлении и работай. На меня можешь рассчитывать. Всегда к твоим услугам, – пообещал главный эксперт и добавил: – Экспертиза по этому оружию будет готова уже завтра.

Туманов поблагодарил старика за такую срочность.

Глава 5

Санька Зубов, по кличке Зуб, даже и не помнил, как все было. И было ли чего вообще. Днем они с пацанами гуляли в Измайловском парке. Много пили. И к вечеру Зуб уже нарезался и не стоял на ногах.

Кто тогда предложил трахнуть двух малолеток, прогуливающихся неподалеку с коротконогой таксой на поводке. Наверное, и сами эти молодые шалашовки виноваты. Сидит компания парней, выпивает. Шли бы себе, куда-нибудь в другое место. А так, слово за слово, и вот уже Юран, как спец по бабам, успел познакомиться с обоими и подвел их к расстеленной газете, на которой стояла водка и кое-какая закуска.

Девчонки не смотря на свою молодость, водку хлестать умели, и Юран только успевал подливать им. А когда стало вечереть, пацаны решили удовлетворить свою похоть. Только девчонки, ни в какую, стали ломаться, целочек из себя строить. А может таковыми они и были до знакомства с шумной компанией парней. Зубок утверждать не решался, как, впрочем, и опровергать. Уж ему-то точно было не до секса. Башка так кружилась, что на ногах устоять не мог. Видел, как пацаны завалили одну молоденькую сисястую телку на спину, быстро освободив ее от одежды. Чтобы она не кричала и не сопротивлялась, Юран влил ей в рот полбутылки водки. А вторая, длинноногая красотка, подхватив таксу под мышку, убежала. Ребятишки ее не поймали. Резвая оказалась девчина. Только всем в тот момент было наплевать на нее. И одной дырки с лихвой хватит на восемь пипинок.

Сисястая орала как резанная, когда Юран приспустив брюки, завалился на нее. Он еще тогда заржал, как жеребец, сказав пацанам, что девка – целка. Вернее была целкой, до тех пор, пока не оказалась под Юраном. Отведала его ялду, познав близость с настоящим пацаном. Все, дурочка, вырваться пыталась. Пацаны держали ее за руки и ноги, с гоготаньем наблюдая за превращением девки в бабу. Подбадривали Юрана, как первопроходца.

Кто-то тогда взял и вылил ей в рот оставшиеся полбутылки водки, чтоб не так трепыхалась пташка. И девка вроде успокоилась. Вздрагивала, но уже не царапалась, не билась пташкой в когтях голодных коршунов. А может поняла, что все ее усилия, пустая трата времени.

Потом пацаны уверяли, будто Санька Зуб сам снял штаны и залез на девчонку. Правда, сам Зуб в этом здорово сомневался. Сил не было на ногах стоять, поэтому приходилось двигаться ползком. А под конец, Зубок и вовсе отрубился. Очнулся оттого, что кто-то тормозил его за плечо. Открыл глаза и увидел, что лежит на голой девчонке, той самой, что орала, как резанная. А рядом несколько милиционеров.

Та, другая девчонка, с таксой, не бросила подругу. Прибежала домой, и все рассказала ее родителям. Ну, а те сразу позвонили в ментовку. Вся пикантность ситуации заключалась в том, что на момент приезда милиции, девушка лежащая под Зубом уже была мертва. Как потом установила экспертиза, она захлебнулась водкой.

Пацаны оказались потрезвее и поэтому им удалось убежать. А Саньку сцапали прямо тепленьким на холодном теле девушки. И это в тот момент, когда у него в кармане уже лежала военкоматовская повестка.

Теперь вместо армии, ему светил тюремный срок. Знающий человек сказал, что Саньке светит не меньше восьми лет. А если расколится, заложит приятелей тогда и до пятнашки дойти может. Санька не раскололся, как не старались менты. А мать договорилась со следователем, что за десять штук баксов он и вовсе снимет обвинения с ее непутевого сына. Ведь захлебнуться водкой потерпевшая могла и сама. А то, что Санька полежал на ней с голой задницей, еще не дает повод для обвинения его в изнасиловании. При экспертизе его спермы в ней не обнаружено. И если постараться, можно отмазаться под чистую.

Зуб схватился за голову. Легко сказать, постараться. Десять тысяч долларов, это огромная сумма для их семьи со средним достатком. А деньги нужно раздобыть срочно. Следак ждать не намерен.

На помощь пришел Юран. Заехал к Саньке. Но разговаривать стали не дома, а на улице в беседке, чтобы мать не слышала. Угостив Саньку пивком, он сначала призадумался, а потом сказал:

– Есть один человек... – при этом многозначительно глянул в глаза Саньке. Зуб предано уставился на приятеля и произнес не моргнув:

– Говори.

– Ну, в общем, человеку этому нужен спец по стрельбе... Сечешь?

– По стрельбе? – переспросил Зуб, пока не просекая, к чему клонит Юран. – Для стрельбы в тире? Или как?..

По лицу Юрана поползла кривая улыбка. Ну дает Зуб. Вот тупой.

– Ну, да, в тире. В тире он сам стреляет будь спак. Не хуже тебя, – намекнул Юран на то, что Зуб был кандидатом в мастера по стендовой стрельбе. Не раз завоевывал призы на областных соревнованиях.

– Тогда, для чего же? – не вытерпел Зуб. – Говори прямо, не юли. Для мокрухи? Так и скажи. Не нужны мне твои недомоловки, Юран.

Юран боязливо огляделся по сторонам и кивнул. На скамейке в беседке перед домом, в котором жил Зуб, в этот поздний час они сидели вдвоем. Но все равно, предосторожность не помешает. Не желательно, если кто-нибудь подслушает их разговор. Менты сейчас стали не промах. Везде у них есть свои осведомители, и кто даст гарантию в том, что та пожилая женщина с дворняжкой на поводке не побежит завтра в уголовку и не настучит на них. Поэтому Юран предупредил:

– Ты громко-то не ори. Я не глухой, не хрена. Поспокойней. Раз все понял, молодец. И если согласен, так и скажи, без лишних эмоций.

Видя, что Зуб замялся, подковырнул его, толкнув в плечо:

– Струсил? Тоже мне, последний герой. Пустяковое дело, а ты...

– Да не струсил я. Не то говоришь, Юран. Только ты забыл видно, что я уже под следствием. И деньги мне нужны, чтобы следаку на лапу дать. А ты меня на мокруху подрядить хошь.

Юран покрутил головой.

– Я ничего не хочу. Это ты сам сказал, что тебе срочно нужны баксы. А у него их знаешь сколько, – потягивая из бутылки пивко, несколько с завистью проговорил Юран. – И мужик он вроде не жмот, – нарочно надавил на щедрость будущего нанимателя. Уверен был, никуда Зуб не денется. Поломается день, два и согласится. А, может, это произойдет и вот сразу. Нужда его заставит согласиться. Раз деньги нужны.

– Слышь, Юран... – обратился Зуб к приятелю, прикончив бутылку с пивом. Юран был на четыре года постарше Санька, успел уже отсидеть три года за угон машин. И Зуб обратился к нему, как к человеку опытному. – А как там, в тюрьме? Хреново?

– Не то слово. Лучше и не попадать, – ответил Юран, оторвавшись от бутылки. Потом опять принялся с жадностью проглатывать пиво и без отрыва уговорил почти всю бутылку. Громко рыгнул и добавил: – Вот попадешь, сам узнаешь. Тебе ведь развратные действия «пришлют». А это дорога в петушатник. Заместо бабы будешь там. Драть будут тебя.

Угодить в петушатник Санька боялся. И подумав немного, спросил:

– Слушай, Юран. А может попросить у того мужика эти десять штук? Ну, если у него денег-то много, может, даст займы? А я потом буду отдавать ему. Не сразу конечно. По частям. Но отдам. Слово даю.

– Не, – помотал башкой Юран, – так он не даст. Лучше отработай.

– А может, все-таки, попросить? – настаивал Зуб. В глазах Юрана, он казался наивным, как Иванушка дурачок, верящий в бескорыстную доброту людей. Теперь несет всякую несусветицу, попросить, не попросить, а Юран должен набраться терпения и ждать, пока этот идиот согласится. И наивность глупца, он решил отсечь сразу. Поэтому сказал как можно категоричней:

– Бесплезно, Зуб. Даже и не думай. Ты что, его хороший знакомый? – в свою очередь задал Юран резонный вопрос, на который Зуб ничего не ответил. – Ну, вот. Какой дурак будет давать приличную сумму баксов первому встречному. И слово твое для него ничего не стоит.

– Юран, а может, ты попросишь? А, Юран? – попытался Зуб уговорить приятеля. Но Юран только негромко рассмеялся.

– Ну, ты даешь, Зуб. Обоссаться с тобой можно. Во-первых, я его знаю не настолько хорошо, чтобы он давал мне взаймы. Это раз. А, во-вторых, что я буду делать, если следак с тобой сыграет злую шутку. Возьмет и посадит тебя в камеру. Тогда, что мне делать? Из каких шишей отдавать? Не, я на такую авантюру не подпишусь. Я не дурак.

Юран икнул и покосился на пригорюнившегося Саньку Зуба. Потом сказал беззаботно и весело, хлопнув Саньку Зуба по плечу:

– Я вот только никак не пойму, Санька. Чего ты не хочешь согласиться. Дело то, пустяковое. Даже смех разбирает.

– Стрелять в живого человека? И тебе смешно? – тут же подхватил Зуб, но Юран только снисходительно хмыкнул.

– Подумаешь.

– А ты стрелял? – спросил Зуб, сверля приятеля чуть захмелевшим взглядом. Сидит Юран, как ни в чем не бывало. Об убийстве базарит.

– Стрелять, не стрелял, а ножом пырлял. Было дело. А потом, ты же не один в этом деле будешь. Я с тобой поеду. Вернее, ты и я поедem на моей машине. Вдвоем. Сечешь? А двое, не один, братишка.

– И ты поедешь? – обрадовался Зуб. Даже с лавки подскочил.

Юран улыбулся.

– А ты думаешь, тебе одному, что ли деньги нужны. Стрелять будешь ты. Потому что у тебя это лучше получается. А я машину поведу.

– Чего ж ты сразу не сказал? Раз так, то я согласен. Когда поедem? – живо спросил Зуб, готовый ехать хоть сейчас. Юран подивился такой прыти. Как сразу переменился человек. Улыбулся.

– Какой ты шустрый. Подожди. Нам скажут, когда ехать.

Зуб тут же скис. Рассчитывал побыстрее получить деньги, а тут, оказывается, надо ждать. Но приятель заверил:

– Да недолго. От силы пару дней. Думаю, потерпишь. Сегодня я ему позвоню, скажу, что поеду с другом, – произнес Юран это слово особенно подчеркнуто, чтобы расположить Зуба еще больше. – И буду ждать от него команды. Как скажет, так сразу и выезжаем. Только...

– Чего еще не так? – насторожился Зуб. Но оказалось, зря.

– Да потренироваться бы тебе не мешало. Стрелять придется на ходу из машины. Я, конечно, приторможу, маленько. Чтoб ты мог получше прицелиться. Из «макарушки» будешь лупить. Знаком с такой штуковиной?

– А то, – ответил Зуб. Хотел открыть Юрану тайну. Признаться, что у него у самого в гараже есть «ПМ», купил по случаю и тщательно прятал его в подполе, так, что ни мать, ни отец не знали. Мог бы воспользоваться своим пистолетом, но Юран пообещал, что оружием его обеспечат. А это еще лучше. Тогда свой лучше пусть полежит до поры. Может еще пригодится. И умолчал о пистолете.

– Слушай, Юран, а кого валить надо? Что за человек? – спросил Зуб. Юран заметил, как взволновалось лицо приятеля. Успокоил Зуба:

– Да козел один. Бизнесмен какой-то долбаный. Да ты особенно не забивай голову. Вот как я, например. Не наше, это дело. Нам за него хорошо заплатят, а это главное, – поднял палец вверх Юран.

Когда они распрощались, и Зуб пошел в свой подъезд, Юран юркнул в темноту за дом. Там его дожидалась машина, темный «Фольксваген» с тонированными стеклами. Только красный огонек тлеющей сигареты указывал на то, что машина не пустая, а на водительском месте сидит человек, к которому Юран и подошел. Открыл дверь и сел рядом. Достал из кармана пачку и тоже закурил, почувствовав расслабуху. Даже голову откинул чуть назад. Но хозяин машины решил напомнить, что Юран здесь все-таки не для этого, и расслабляться будет в другом месте. А здесь он, чтобы поговорить о деле.

– Ну, что, пацан, согласился? – спросил хозяин машины.

Юран молча кивнул. Сделал еще пару глубоких затяжек, потом сказал призадумавшись:

– Он согласился, но при одном условии...

Сидящий за рулем взглянул на Юрана вопросительно, немедленно ожидая подробностей. Видно не рассчитывал ни на какие условия.

– Что за рулем машины буду я, – объяснил Юран, докончив сигарету.

– Вот даже как, – хмыкнул хозяин иномарки. – А он, оказывается не такой дурачок, каким ты его разрисовывал. Это плохо. У исполнителя мозги должны работать в одном направлении, как лучше выполнить заказ. Дурачок для этого подходит лучше. С умными, до беды не далеко. Но раз ты подобрал его...

– Да ничего. Я ручаюсь за Зуба. Он надежный парень. Не подведет. И молчать умеет. А потом, ему очень нужны деньги. Это очень важно.

Хозяин иномарки безучастно пожал плечами.

– Тебе видней. Но помни, никаких проколов быть не должно. Иначе, отвечать будешь ты, – это было больше похоже на приказ, чем на дружеский совет. И пренебречь им Юран просто не имел права. Поэтому поспешил заверить хозяина иномарки, сказав в оправдание:

– Он отлично стреляет. Вы же сами искали такого парня. И положение у него сейчас безвыходное. За деньги будет работать.

– Ну, дай-то Бог, – поразмыслив, сказал человек и добавил: – Будем надеяться, что все так и будет. А сейчас нам лучше расстаться. Позвонишь мне завтра, ближе к полудню. Ладненько? Тогда, давай.

– Хорошо, Семен, – уважительно назвал Юран по кличке сидящего за рулем иномарки и бросив короткое: – Пока, – открыл дверь.

Юран чувствовал себя перед этим человеком маленькой собачкой, которую Семен жестко держал на поводке. И сейчас он с покорностью той собачки вылез из машины и потопал к автобусной остановке, где должен был поймать такси.

* * *

С Семеном их судьба свела в Рязани, куда Юран попал после года отсидки в Стародубской тюрьме. В колонии оказалось намного повольнее. Но и бардака там было побольше. Блатные ночами шлялись по баракам по любому поводу задираясь на таких одиночек, как Юран. Особенно только что прибывших. Особым старанием в этом отличался смотрящий отряда Костя Рыбкин, по прозвищу Щука. Щука лет пять назад был классным боксером. Но судьба уготовила ему неожиданный поворот в жизни, оградив от бремени спортивной славы. Только он и в колонии не бросил свое умение, махать кулаками, отличаясь завидным

мастерством по выбиванию зубов. Благодаря этому, дисциплина в его отряде была исключительная. А вечерами хотелось размяться, вот и шлялся смотрящий с кодлой отморозков по всем баракам. Страсть, как хотелось повеселиться.

С Юраном они сцепились еще днем в столовке. Щуке не понравилось, как на него посмотрел молодой москвич. Но чтобы не оказаться в немилости перед администрацией колонии, Щука не стал колотить борзого пацана в столовке. Зачем, когда можно это сделать потом.

– Ладно, пацан. Будет еще время, нам с тобой побазарить, – сказал он и отошел. А вечером появился в барак и один бог знает, что бы он сотворил с Юраном, если бы не Семен. Этого высокого, крепкого рязанского мужика, отбывавшего срок за убийство, боялись даже самые отпетые уголовники. Поговаривали, что он обладает неимоверной силушкой и если захочет, может одним ударом в лоб, вышибить из человека мозги, как уже было однажды, за что он и угодил на зону. Семен пожалел московского паренька, несильно ткнул Щуку в грудь, отчего тот чуть не высадил дверь. А вслед за ним из барака один за другим повывлетали все пришедшие с ним шестерки. Испугались Семена.

Тогда Щука даже на пару дней угодил в санчасть. Трудно сказать, или притворился смотрящий покалеченным, или так было на самом деле, только больше он к Юрану не совался. Старался даже не встречаться с ним. Но за спокойное существование Юран попал к Семену в должники.

– Да ладно тебе, – вяло отмахнулся Семен, – сегодня я тебе помог. Завтра ты мне. Живи спокойно. Какие проблемы, пацан?

А и правда, какие? По крайней мере, у Юрана, пока он сидел с Семеном, проблем не возникало. Даже более того, Семен охотно делился с ним передачкой. К нему частенько приезжал друг с двумя, тремя баулами, затаренными съестным, и, минуя распоряжения, строго регламентирующие количества продуктов допустимых для проноса на территорию колонии, все это самым обыкновенным образом попадало к Семену. Поговаривали, будто его дружок влиятельный человек. Юран такими подробностями не интересовался. Тут уж как говорится не до интереса, что да как. Угощает Семен, добрая душа, так не отказывайся, бери да живот набей. Хороший мужик, этот Семен.

Только напрасно думал по наивности Юран о бескорыстии. Просто так и чирей на задку не вскакивает, гласит народная мудрость. И скоро Семен убедился в ее справедливости. После отсидки, отыскал его в Москве Семен и, напомнив про должок, попросил помочь.

– Я о долге не забыл, – с готовностью ответил Юран, но решил поинтересоваться, что все же надо от него Семену.

– Да человечка одного надо привезти. Уж слишком надоедливый оказался этот дядя. Ну, так берешься? А за это я обещанный тобой долг спишу и вдобавок еще денег приплачу. В обиде не будешь.

По поводу денег Юран не заинтересовался. Жил, не бедствовал. Как вернулся, сразу попал в бригаду к Химкинским. Но вот разделаться с обещанным долгом, перспектива заманчивая. А потом, не сам же он будет мочить того дядю. Семен ясно сказал, чтобы он подыскал себе помощника. Толкового и надежного. Чтобы стрелять хорошо уметь. А кто на такое дело подходит лучше Саньки Зуба. Во-первых, он спортсмен стрелок. К тому же не трепач. А, во-вторых, ему вот-вот в армию уходить. Сделает дело и пусть валит на службу, рекрут гребанный. Только как его уговорить?

Жил Юран недалеко от Измайловского парка. После отсидки, решил позаботиться о здоровье. Кореша посоветовали заняться оздоровительным бегом. И вот Юран, как последний дурак, почти каждое утро стал появляться в парке в спортивном костюме и кроссовках. Поначалу самому было чудно, а потом ничего, привык. Тут и познакомился с молоденькой девочкой, по утрам выгуливавшей свою таксу. Красотке едва исполнилось четырнадцать, но

до настоящих мужиков малолетка оказалась большой охотницей. И долго уламывать Юрану ее не пришлось. Обрадовался, думал на целку нарвался, но когда первый раз увел ее в кусты и задрав юбочку и оголив попу, впер ей по самые некуда, понял, как горько ошибся. Да и малолетка с самого начала их интимного знакомства не пыталась скрывать, что не единожды имела половые связи со сверстниками и давно мечтала о таком добром молодце с большой пипиркой, как у Юрана. А за деньги малолетка была готова и на большее. Как-то рассказала про свою подружку, как все пацаны насмеваются над ней, девственницей. И чего бережется дура?

Замечание, на взгляд Юрана, было в большей степени справедливым. Но у него возникли другие планы в отношении подруги. За пятьсот баксов уговорил привести ее сюда в парк. Мол, собачку надо выгулять, а одной идти скучно. И за эти пятьсот баксов малолетка согласилась и обязалась все сделать так, как велел ей Юран.

Сначала мысль была, подставить Зуба на изнасиловании. Кто ж мог предположить, что влитая целке в глотку водка, пойдет ни туда, куда надо и та умрет. Но девчонка умерла, чего Юран и предположить не мог, а Зуб влип по-настоящему. И помочь ему действительно могли теперь только приличные деньги, которых ни у Юрана, ни тем более, у Зуба, просто не оказалось. Правда, пришлось дать штуку «зелени» ментам, чтобы те не взяли Зуба под стражу. Оставили парня на свободе, заменив камеру на подписку о невыезде. И вроде бы все получилось так, как надо. Теперь бы только лишь Зуб не подвел, не смылся куда-нибудь со страху, пока находится под следствием. Но, чтобы такого не произошло, Юран взял с него слово. Пообещав при этом, что скоро Зуб будет вполне богатым человеком. И все это за один единственный выстрел. А машину он поведет сам. Черт с этим Зубом, раз по-другому не соглашается. Главное – дело, как сказал Семен. Зато после Юран избавится от долгового обещания. Семен попросил, чтобы никто из «Химкинской» братвы не узнал об этом. И Юран пообещал.

Глава 6

Заполучив место, которое раньше занимал Мономах, Станислав Валерьевич Адамов не испытывал большой радости. Во-первых, это ко многому обязывало, ведь главный вор всегда на виду. А в душе у Академика была одна червоточинка, от которой он не мог избавиться всю свою жизнь, это забота о личном благе. По этой, казалось бы, простой причине огромные суммы денег не доходили до воровской казны, плавно перетекая на банковские счета Станислава Валерьевича.

Чисто по житейски, такое стремление к обогащению понять можно. Не все же время он будет при делах. Когда-нибудь придется уступить место молодым вора. И вот тогда припрятанная мошна не помешает. Можно укатить на Кипр, купить там роскошную виллу, и тая в ласках грудастой красотки, тихо встретить старость. Ничего в женщинах так не возбуждало Академика, как налитые жизненным соком груди с выпуклыми сосками, похожими на спелые вишни. Красотки и деньги.

Но вряд ли воры поймут его, если узнают про темные дела. В лучшем случае, могут просто отрубить руки. А в худшем, порешат закопать Академика живьем, как собаку, где-нибудь в лесу. На кладбище такому вору не найдется место. А помочь им узнать все тонкости теневой жизни вора, может генерал Павлов. Хитер генерал разведки. Вместо того, чтобы вести борьбу с криминалом, генерал ведет какую-то свою игру. Это Академик понял, когда стал почаще встречаться с Павловым. Вот когда проявились истинные замыслы генерала. Внутренняя политика его интересовала только, как средство наживы. Так во всяком случае показалось Станиславу Валерьевичу. Генерал имел четыре новеньких иномарки, которые были зарегистрированы на родственников. Несколько квартир в престижных районах Москвы и несколько загородных дач в ближайшем Подмосковье. Познакомившись с Павловым, Станислав Валерьевич тоже не сидел сложа руки, чтобы иметь представление чем крыть, если генерал выдвинет очередную предьяву о нечистоплотности вора. А такое случиться могло.

К генералу Академик испытывал мерзкое чувство. Знал о нечистоплотности людей с большими звездами на погонах, сравнивая их с деревьями, у которых гниль достала до самой сердцевины. Такие деревья обычно валят. Только вряд ли ему удастся завалить генерала разведки. Слишком обложил себя Павлов охраной, не подберешься. А вот он может. Для этого ему и делать-то особенно ничего не надо. Просто взять и передать вора ту папку с компроматом, которую давал почитать Академику в момент их первой встречи. И воровской сходняк сам незамедлительно примет решение об устранении вора. Более того, смерть его будет ужасной. Добры молодцы с угрюмыми рожами, сначала без труда запишут Академика в багажник машины и отвезут в лес. И если уж не закопают живым, то растерзают, как остервенелые борзые пойманного зайца, и бросят под каким-нибудь деревом, которое и станет Академику памятником.

Представляя все это, Станислав Валерьевич чувствовал, как у него по спине вверх-вниз начинали бегать мурашки. И однажды, в одно из таких раздумий о своей незавидной судьбе, его посетила дельная мысль. Если нельзя сделать так, чтобы исчез генерал Павлов, то почему бы ни исчезнуть самому. Пожалуй, это сделать намного проще. Надо только все тщательно обдумать, продумать, чтобы его исчезновение не вызвало у Павлова подозрений. Тогда вся компра, которую генеральские псы насобирали на него, так и останется пылиться на полке кабинетного сейфа. Да и если разобраться по большому счету, жизнь вора не такая уж безоблачная и безопасная, и в воровскую среду давно просочились совсем не воровские понятия. И у Адамова могут быть враги.

Лучше, если исчезнет он прямо на улице среди белого дня на глазах у сотен людей. Так более правдоподобно. Павлов наверняка попытается разнюхать все. И, возможно, даже будет его искать. Ну и пусть старается. Только все его старания окажутся пустыми. Станислав Валерьевич уже договорился с одним врачом, который за большие деньги согласился сделать ему пластическую операцию лица. А чтобы об этом больше никто не узнал, врача Адамов потом уберет.

* * *

Пару дней назад генерал позвонил Академику на сотовый и назначил встречу на улице Генерала Талолихина.

– Приезжай. Нам срочно надо поговорить. Думаю, ты будешь малость разочарован, – несколько угрюмо произнес Павлов.

Академик внутренне напрягся. Что так могло обеспокоить всесильного генерала? Конечно, это не телефонный разговор, но Станислав Валерьевич все же попытался разузнать, хотя бы вкратце, чтобы сработать на опережение. А для этого желательно услышать даже самый, казалось бы, незначительный намек. Дальше он додумает сам. Не зря же у него погоняло Академик, хотя академий вор не заканчивал.

– И чем же ты, генерал, меня собираешься огорчить? – спросил Академик, подозревая, что это отнюдь не шутка. Судя по настроению, генерал не расположен, сегодня шутить.

– А ты приезжай, тогда и узнаешь, – сказал Павлов и отключил телефон, как будто был озабочен текущими делами и потому торопился.

– Вот сука! – выругался Академик, когда в трубке сотового сделалось тихо. Этот медведь в штанах с лампасами даже не дал ни единого намека. Это огорчало и настораживало. Станислав Валерьевич терялся в догадках. Где он мог допустить оплошность, проколоться?

В назначенное время он на своем «Мерседесе», появился возле магазина Оптика, где его уже поджидал генерал Павлов, сидя в стареньком «Жигуленке». Увидев подъехавшего вора, генерал махнул рукой, приглашая Академика сесть к нему в машину. Вести разговор в «Мерседесе» в присутствии водителя, он не хотел. Лишние глаза и уши.

На этот раз не было привычного рукопожатия. Павлов лишь кивнул головой, когда Академик расположился рядом на сиденье. Было заметно, что генерал не в духе. Хотя на лице это никак не отражалось. Павлов умел скрывать эмоции, когда это требовалось. Вот как сейчас.

– Что стряслось? – поинтересовался Академик, достав из кармана пачку сигарет. Самое неожиданное лучше воспринимается, когда во рту сигарета, хотя циники и утверждают, будто это всего лишь самовнушение и курево не приносит успокоения. Не раз Академик убеждался в обратном. И сейчас был готов выслушать Павлова до конца. Но только с сигаретой во рту.

Генерал выплюнул в окно измусоленную жевачку.

– Хочу тебя обрадовать, – совсем не радостным голосом объявил он.

Академик поджал губы. Радость из уст генерала ничего хорошего не сулила, потому что в его словах проявлялась откровенная ирония. Как судья, который читает подсудимому приговор о высшей мере и радуется. Подобное Академик усмотрел сейчас в словах генерала. Да и чего еще можно ждать от генерала разведывательного управления, главной задачей которого является следить за «объектами» представляющими интерес для внутренней разведки. И не только следить, но и выявлять и устанавливать их связи, и по возможности постараться быть в курсе всех их замыслов, чтобы добить внутреннего врага в его собственном логове. И если уж Павлов взялся обрадовать, то будь спокоен. Он постарается, обрадует. Академик вздохнул невесело.

– Ну, давай, обрадуй. Надеюсь, от твоей радости меня не хватит паралич? А то я сегодня не прихватил с собой валидола, – пошутил Академик. Хотелось разрядки. Но генерал принял его слова вполне серьезно и заметил по этому поводу вполне серьезно:

– А зря.

– Впредь буду умней, – ответил уже мрачно Академик и предложил: – Ладно, говори, чего там стряслось. У меня не так много времени.

– За тобой следят, Академик, – сказал Павлов.

Это известие озадачило Станислава Валерьевича. Минуту, другую он молчал, а потом спросил, добавив в голос как можно больше равнодушия, словно сказанное Павловым не было для него новостью:

– И кому же пришла такая бредовая идея? Ментам?

– ФСБ, – ответил генерал Павлов.

– Вот как, – закусил губу Академик, соображая, чем он мог заинтересовать вездесущих гэбэшников. Неужели и они стали копать под него? Значит опять непредвиденные расходы. Причем, огромные. По малу в этом ведомстве не берут. Не станут рук марать. И Академик вздохнул.

– Есть там такой капитан Нельсон. Опытный оперативник. В свое время внедрился в круг приближенных к Мономаху лиц, сыграв роль отпетого блатного. Думаю, тут без рекомендации авторитетов не обошлось. Но уж на то, они и фэсбэшники. Знают, как прищемить яйца авторитетным ворам. Вот его фотография, – протянул он фотку.

– И теперь этот капитан намерен прищемить их мне? – вопрос прозвучал остро. И генерал после некоторого раздумья ответил:

– Думаю, что да. Иначе, зачем ему приставлять к тебе хвоста, следить. Он интересовался твоими банковскими счетами.

– Денег захотел капитан. Жрать получше, – зло произнес Академик.

– Не думаю, – сказал Павлов. – Мы навели о нем кой, какие справки, так вот он человек морально устойчив. Ничего за ним не замечалось.

– Так не бывает, – стоял на своем Академик. – Любого можно купить, подкупить. Даже член в кабинете министров, – пошутил Адамов.

– Но только ни его. Говорю тебе так, потому что так сказали знающие его люди. Нам удалось завербовать парочку его агентов. Он серьезный мужик. С таким договориться, практически, невозможно.

Академик молчал. Со стороны могло показаться, что сидящий в «Жигуленке» человек с седыми волосами, полу прикрыл глаза и дремлет. На самом же деле Академик думал, как поступить в столь щепетильной ситуации. Павлов не договаривает, но вор почувствовал что, он не хочет связываться с фэсбэшниками, не хочет конфликтовать, а стало быть, надеяться ему теперь остается только на самого себя.

– Как давно это продолжается?... – открыв глаза, спросил Академик.

Павлов посмотрел на него, как будто впервые в жизни увидел.

– Когда ты узнал, что этот фэсбэшник копает под меня? – спросил Академик более конкретно. Раз генерал по-другому не понимает.

– Пару месяцев назад, – ответил Павлов, как ни в чем не бывало. А Академик едва не плюнул с досады. И за что только он ежемесячно отстегивает генералу приличную сумму. Уже пару месяцев, как за ним следят, а Павлов додумался сообщить ему об этом только сегодня.

– Понимаешь, – начал оправдываться генерал, – нам надо было кое-что проверить, выяснить, уточнить. Всем свойственно ошибаться.

– Ну и что, проверили?

– Проверили, – кивнул Павлов, засмотревшись на молоденькую темноволосую девушку в короткой юбочке. Казалось, она сейчас его интересовала больше, чем Академик. И приехал сюда генерал не по важному делу, а поболтать с авторитетным вором от скуки ради. Теперь же наболтавшись, стал скучать.

– Да. Два месяца. И ты знаешь, чем этот капитан располагает против меня? Какими документами? – спросил вор, оторвав генерала от его занятия глазеть в окно на девок. В делах Адамов не одобрял такое.

– Кое-что знаю. Накопал он немного на тебя. В основном твои старые теневые дела по переправке за рубеж алмазов. Но это еще было при Мономах. Особенно чего переживать.

– Чего переживать? – повторил Академик, тут же припомнив, что от этой сделки ни копейки не поступило в воровскую казну. Не прав ты, генерал. Вот как раз об этом-то переживать стоит. Да еще как. Мономах мертв. Спрос будет теперь с него, когда узнают воры.

– Ладно. Хорошо. Что предупредил за этого капитана, благодарю. А что ты мне предлагаешь конкретно? – не удержался Академик от вопроса. Тут же усомнился, что генерал посоветует что-то стоящее. И не ошибся. Павлов с минуту сидел как пень, тупо глядя в лобовое стекло. Видно он конкретно ничего предложить не мог. Поэтому сказал:

– Ну, для начала быть поосторожней.

– Насколько я тебя понял, залечь на дно? Так надо понимать тебя?

– Ну, вроде того. А я посмотрю, что еще наковыряет этот капитан на тебя. Надо постараться сделать так, чтобы все дерьмо собранное им попало к нам, а не в ФСБ. Только и всего. А капитана того мы потом уберем. Для начала поработаем с ним, узнаем, что ему известно, и уберем, как и не было его. Ты главное, не волнуйся и не наделай глупостей сгоряча, – предупредил Павлов уже под конец встречи.

* * *

Но Станислав Валерьевич был на этот счет другого мнения. «Вот когда настало время мне исчезнуть. Фэсбэшник копает под меня, и если я исчезну, у Павлова появится устойчивое мнение о причастности ФСБ к моему исчезновению. Спрашивать у них обо мне он не станет. Он слишком осторожный. А пока, что да как, пройдет время. Меня уже здесь не будет. А сейчас... сейчас надо прикончить этого капитана, чтоб не путался под ногами и не сорвал все планы,» – решил Академик и вызвал к себе парочку надежных парней. Подробно объяснив, что нужно делать, выложил на стол перед ними фотографию капитана Нельсона.

– Этот человек следит за мной. Его нужно будет убрать, – распорядился Академик, положив перед каждым по пачке долларов.

Ни тот, ни другой не решились задавать вопросов. А деньги, были хорошим аргументом для того, чтобы начать действовать немедленно. Когда они ушли, Академику пришла мысль, потом использовать этих ребят в инсценировке с его похищением. И ничего особенно им объяснять не надо. Пусть натянут на рожи маски, чтоб его водитель не опознал их лица. Потом подъедут и на время нейтрализуют водителя. Это несложно. Несильный удар рукоятью пистолета по темечку, и водила пять минут в отключке. Зато потом он всем и каждому будет рассказывать о дерзком нападении на вора в законе и, конечно, многое приврет, потому что у страха глаза велики. Но это уже совсем нисколько не будет интересовать Станислава Валерьевича Адамова. А ребяток этих потом придется убрать. Таково основное правило Академика – отсекай хвосты. Да и лучше будет, если они ничего никому не расскажут. Адамов уберет их сам.

Через пару дней оба зашли к Академику и доложили о выполнении, вернув фотографию капитана Нельсона. Зачем им фотка мертвеца?

– Только там такое дело, – начал говорить один из киллеров и замялся. За него dokonчил напарник:

– Мы его уложили в летнем кафе в Брюсовском переулке. Там у него была назначена встреча с легавым. Туманов его фамилия. Я его знаю. Встречались однажды. Чуть не засадил меня лет на восемь, сволочь.

– С Тумановым, говоришь? А не ошибаешься? Это дело серьезное, – подчеркнул Академик, уложив очки в золотой оправе в футляр.

– Да вы что? – парень как будто удивился. – Да мне ли не знать его ментовскую рожу. Полгода в камере торчал под следствием, а этот Туман через день ко мне навевывался. Расколоть хотел, падла.

Академик призадумался.

– Получается, этот фэсбэшник и этот мент снюхались? Так что ли?

– Выходит так, – ответили оба. Поручиться точно не могли, но что видели своими глазами, то и передали. Их дело исполнять, а думать за них будет он, Академик. И если он говорит так, значит, так и есть.

– Этот сукин сын, Туманов, опасный человек. – Академик вспомнил, как еще тогда, в самом начале их знакомства, Павлов велел не трогать опера. Но это было тогда. И какое дело Академику до интересов генерала к сыскарю, когда его собственное благополучие вот-вот может кончиться. Нельсона убили. Но жив этот мент. А мент, вору враг.

– Вот что, ребята, мента этого надо убрать. И чем быстрее, тем лучше. Пока он жив, я чувствую беспокойство. Этот сыскарь может отравить мне жизнь. Надеюсь, я понятно выражаюсь. А если вам все понятно, то сделайте так, чтоб его больше не было. Идите. Я буду ждать вашего доклада, – сказал Академик, выпроваживая обоих из комнаты.

* * *

Среди ночи Станислав Валерьевич был разбужен мелодичной трелью своего сотового. Академик открыл глаза и зевнув глянул на часы.

Половина третьего. Сразу вспомнил про двух идиотов, которых сам же отослал ликвидировать Туманова. Подкупала их исполнительность. Сказал, что будет ждать их звонка, вот они и решили доложиться. Для таких, что ночь, что день. Сами не спят и ему не дадут.

Он провел ладонью по лицу, точно этим жестом хотел смахнуть остатки сна и только после этого включил сотовый, сел на постели.

– Я слушаю, – негромко произнес он, покосившись на молодую грудастую красотку, безмятежно развалившуюся на, по-королевски, широкой кровати. Случайная девушка, снятая в ресторане. Вчера пришла. Утром уйдет. Не хотелось, чтобы она проснулась и подслушала.

– Станислав Валерьевич, – узнал Академик голос одного из киллеров, – у нас тут немного не того вышло, – проговорил киллер и замолчал, ожидая реакции вора. Явно на похвалу не рассчитывал.

Академик понял, что ему лучше выйти из спальни. И уже очутившись в другой комнате, недовольно спросил:

– Что значит, «не того»? Говори яснее. Завалили мента? Отвечай!

– Нет. Мент жив. А напарник мой разбился. Полез к менту на балкон и сорвался, – пожаловался киллер, словно исправить ситуацию теперь мог только он, Академик. Вот к нему за помощью он и обращается.

– Так он мертвый что ли? – обзлившись на нерасторопность сопляков, спросил Академик. Выходит, не оправдали они его надежд.

– Да нет, еще живой пока. Лежит, стонет. Голова вся разбита. Кровища хлещет, как с барана. Даже не знаю, что теперь делать.

– Постой, а куда ты его везешь такого? – прервал вопросом Академик объяснения киллера. Голос его звучал раздраженно.

– Сам не знаю. Может, его в больницу отвезти, а? – спросил парень.

Академик покосился на дверь спальни, где спала грудастая красотка, и довольно громко произнес, не стесняясь в выражениях:

– Мудак! Немедленно прикончи его и избавься от трупа. Понял меня? И не заставляй меня волноваться, иначе сам окажешься в точно таком же положении, как твой напарник. Понял меня? Отвечай немедленно!

– Понял, – понуро произнес киллер. Кажется, парень окончательно растерялся, потому что задал до наивного смешной вопрос: – А куда мне его труп деть? Станислав Валерьевич?..

– Да ты что, охренел совсем? – загудел в трубку Академик. – Не знаешь, куда труп деть? Под асфальт закопай. В реку брось. Захочешь, найдешь, куда тебе его деть. Хоть домой к себе отвези. И спи с ним.

– Понимаете, он был моим корешом. Чалились вместе...

– Это все, сантименты, мой друг. Он все равно умрет. И чем ты быстрее ему в этом поможешь, тем быстрее избавишь от мучений. Понял? Все, – довольно грубо пробасил в трубку Академик и отключил связь.

Спать теперь не хотелось, на душе было скверно. Но не за раненого киллера переживал Станислав Валерьевич, а за то мероприятие, которое теперь, похоже, угрожало сорваться. Разве в одиночку возможно осуществить похищение вора? Здесь как минимум нужно быть двоим.

Академик достал бутылку Наполеона и, присосавшись, в несколько глотков осушил едва ли не половину бутылки. И тут в голове наступило просветление. А почему он должен искать замену, погибшему олуху? Пусть это делает уцелевший киллер. В конце концов, это они лоханулись. Можно сказать, подвели его. Мент Туманов остался жив. Повезло ему. Уже не в первый раз повезло. По крайней мере, у Академика нет теперь времени, вновь заниматься его ликвидацией. Свою пулю опер все равно когда-нибудь получит. А вору надо спешить.

Утром Академику позвонил генерал Павлов.

– Ты еще не в курсе? – испытующе спросил генерал.

– В курсе чего? – Академик постарался выставить себя так, будто совсем не понимает намеков генерала. Но новость его интересует.

Павлов задумчиво хмыкнул, о чем-то поразмыслив, а потом сказал:

– Капитана того, фэсбэшника, вчера «замочили».

– «Замочили?» Ну, слава богу, меня от лишних забот избавили, – прозвучало как исповедь перед алтарем. – Не надо греха на душу брать.

Кажется, генерал улыбнулся, потому что голос его в трубке зазвучал веселее, чего уже давненько не замечал Академик за Павловым.

– Говори, говори. Я-то догадываюсь, чья это работа. Так сказать, предпринял контрмеры. Разумно, конечно. Только и я немного подсутился. Знаешь, у кого мои люди забрали все, что фэсбэшник насобирав на тебя? У майора Туманова. Помнишь такого? Или уже забыл?

Академик вспомнил о ночном нападении своих раздолбаев на мента. Должны все были сделать аккуратно. По уму. Но не сделали.

– Помню. Такого человека разве забудешь. Значит, теперь все у тебя?

– У меня, – подтвердил Павлов, как видно не собираясь документы передавать Академику. И Адамов это сразу почувствовал. Проявив крайнюю озабоченность по поводу документов, настоял на встрече:

– Слушай, нам бы встретиться? Хотелось бы глянуть, чего там этот фрукт из ФСБ насобирал на меня.

– Ты действительно хочешь посмотреть? – призадумался генерал.

– Конечно, хочу, – заверил его Академик.

– Ну, давай, раз ты настаиваешь. Давай сегодня, в четыре часа дня там, где в прошлый раз встречались? Идет? – предложил Павлов.

– Давай, – живо согласился Академик, прикидывая, что еще должен успеть сделать до назначенного времени. Получалось не так уж и много. Ведь все ценное заранее переправлено в надежное место. Оставалось только благополучно отбыть ему самому. И произойдет это не когда-нибудь, а именно сегодня, во время его поездки на встречу с генералом. Скоро его воровская жизнь останется в прошлом.

– Ты ничего не забыл? – отдавал последние наставления Академик здоровенному парню. – Действуете, как договорились. Когда я попрошу, водителя остановится, якобы купить сигарет, вы подъезжаете на своей машине, бьете его по голове, сажаете меня в свою машину и увозите. Я скажу потом, куда, – заранее Академик место называть не стал. – Приезжаем, я с вами расплачиваюсь, и вы уезжаете. Я – остаюсь.

– Я все понял, – без лишних вопросов ответил парень. Огромный детина, привыкший больше молчать, чем спрашивать, и исполнять, что велят, он только кивал головой, во всем доверяясь вору.

Академик вспомнил о его напарнике, упавшем с балкона, спросил:

– Ты подобрал себе надежного парня, вместо того?

Детина опять кивнул головой. Он был не очень многословен. Иногда такие вещи в людях Академику нравились, но сейчас молчаливый балбес раздражал его. Академика интересовали некоторые подробности, о которых здоровяк с богатырскими плечами, кажется, не хотел распространяться. Ну, например, куда он дел труп того напарника.

– Открыл крышку канализационного люка и бросил его туда, – скупое пояснил детина киллер. Академик похвалил его за смекалку. Хотя о какой смекалке можно тут говорить. Этот бугай и школу-то, наверное, не закончил. Зато научился хорошо махать кулаками.

– Ну, ладно. Обо всем поговорили мы с тобой. Значит, не забудь, поедешь за мной метрах в пятидесяти, и когда мой водитель остановится... Только не переусердствуй. Надо, чтобы он остался жив. Понял?

Детина покорно кивнул. Академик отпустил его с миром. И разговаривал-то всего с ним пять минут и уже утомил его бугай. Когда все будет закончено, надо побыстрее избавиться от него, чтобы не раздражал, молчун проклятый. Слова путного от него не добьешься.

Ровно в половине четвертого белый «Мерседес», на котором ездил Академик, выкатил со двора на Бережковскую набережную и помчался в сторону Киевского вокзала. Стоящая на обочине старая, серая «восьмерка», при его появлении, сорвалась с места и быстро помчалась за ним, стараясь не отстать. И вдруг перед тем, как повернуть на Кутузовский проспект, перед «восьмеркой» точно из-под земли появилась машина ДПС.

Зазевавшийся водитель «восьмерки», проехал перекресток на красный свет светофора, что немедленно было зафиксировано бдительными сотрудниками дорожно патрульной службы.

Оба сержанта на редкость оказались принципиальными ребятами и от предложенных долларов отказались. Видно им были нужны показатели, поэтому один из сержантов взялся за составление протокола, а другой тем временем, чтоб не стоять истуканом, решил осмот-

реть машину и обнаружил в бардачке пару пистолетов и две маски, какие обычно применяют сотрудники спецназа.

Детина киллер, попытался воспользоваться пистолетом, но пара автоматов, оказались серьезнее, одного «ТТ» в его руках. Тут же к месту происшествия была немедленно вызвана группа ОМОНА, на которую и возлагались дальнейшие действия по разборке с преступной группой. Эти серьезные ребята быстро развяжут язык обоим бандитам.

Академик взглянул на часы. Было без пятнадцати четыре. Условленное время, когда его «Мерседес» должен остановиться. И он, легонько тронув водителя за плечо, попросил:

– Притормози вон у того табачного киоска. Сигарет надо купить.

Водитель, как безропотный раб, готовый для хозяина на все, только чуть кивнул головой и, свернув вправо, остановился на обочине. Приоткрыл дверь, но прежде чем вылезти, не упустил уточнить:

– Как всегда?

Академик немного был взволнован, поэтому голос прозвучал несколько раздраженно:

– Ты же знаешь, какие сигареты я курю. Зачем спрашиваешь?

Водитель на секунду обернулся, чтобы выразить свои извинения за излишний вопрос, как совсем рядом, буквально в двух метрах от «Мерседеса» остановилась старая потрепанная «восьмерка», у которой приоткрылось окно и оттуда высунулась рука с пистолетом.

Водитель не успел достать свое оружие, но, кажется, свой служебный долг, он хотел выполнить до конца, даже перед смертью проявив завидную верность. Он развернулся во весь свой огромный рост, прикрывая своим телом дверь, за которой находился Академик. Но себя ему прикрыть было нечем. Поэтому две пули выпущенные из пистолета «макарова», попали ему в грудь. Причем одна из них, точно в сердце. Водитель умер сразу, без мучений. Рухнул, как подкошенный. Но его смерть показалась вору ужасной. Не стоило его убивать.

Академик поморщился. «Вот дебилы! Ничего-то они нормально сделать не могут. Ведь говорил же им, не убивать, а только обездвижить ударом по голове». Станислав Валерьевич вздохнул. Когда увидел, как открылась дверь и появилась рожа незнакомого парня, немного удивился, а потом решил пожурить молодцов за проступок:

– Немного перестарались вы, ребята. Я же говорил, не убивать водителя, а только отрубить. Неужели, так тяжело запомнить? Недотепы.

Рожа захлопала глазами.

– Чо? Кому ты чего говорил, старый козел?

У Академика, не ожидавшего такого оскорбления, отвисла челюсть.

– Да я тебя... Щенок! – успел рывкнуть он, как тут же получил удар в лицо. Теперь челюсть встала на место, а вор просто оторопел, нисколько не сомневаясь, что перед ним самый, что ни на есть, настоящий псих. Потому что только псих может позволить себе вот так обращаться с законным. И Академик растерянно произнес:

– Мы же так не договаривались. Вы чего, ребята, охренели?

На что наглая рожа, оскалась, ответила:

– А мы с тобой никак не договаривались.

Больше Академик ничего произнести не смог. Рот и глаза ему заклеили скотчем. И руки замотали скотчем. Потом довольно грубо выволокли из роскошного «Мерседеса» и запихали в тесную «восьмерку», на заднее сиденье.

Академик не знал, куда его везут, и лежа на сиденье, прикрытый какой-то дерюгой, пытался осмыслить, что произошло, и с сожалением чувствовал, что все происходит совсем не так, как было задумано им. Это пугало вора. Судя по обращению, хорошего ждать ему не стоило.

* * *

Время было пятнадцать минут пятого, когда дожидавшийся Академика генерал Павлов, переключил рацию на милицейскую волну и услышал сообщение о расстреле водителя белого «Мерседеса» на Кутузовском проспекте. А, узнав про номер, уже нисколько не сомневался, что нападение это было совершено на вора в законе Академика.

– Ловко сработали, суки, – сказал он себе, призадумавшись над случившимся. Ведь такое происходит не часто с ворами. Но кто же тот самоубийца, решившийся на такой отчаянный шаг? Чтобы иметь хоть какое-то представление о случившемся, Павлов решил съездить на Кутузовский. Надо посмотреть все самому. Так будет верней.

Езда на большой скорости заняла не более десяти минут. Еще издали увидел милицеское оцепление. Остановившись недалеко, и сделав вид, будто у него кончились сигареты, Павлов подошел к табачному киоску, а сам наблюдал за действиями сотрудников милиции работавших на месте преступления.

Молодой сержантик стоял в оцеплении и махал проезжавшим машинам жезлом, чтобы они не задерживались и не стопорили оживленное движение. Следовател с криминалистом суетились возле трупa молодого здоровяка, заглянув которому в лицо, Павлов сразу опознал водителя Академика. Налитое жизненным румянцем, отчего казавшееся нежным личиком младенца только что появившегося на свет, лицо охранника теперь выглядело безжизненно серым, полностью оказавшимся во власти смерти. В помертвевших глазах нет страха. Только удивление. И это показалось Павлову странным.

«Неужели кто-то из своих, кого водитель хорошо знал, приложил руку? Иначе бы чему ему удивляться?» – подумал генерал и подошел к молодому продавцу сигарет. К ментам подходить не решился. Просто так они все равно ничего не скажут, а предъявишь удостоверение, только наведешь на излишнюю подозрительность. Что ни говори, а продавец для роли осведомителя больше подходит. И генерал спросил, попыхивая сигаретой:

– Чего, это у вас тут случилось-то?

Видно Павлов был не первым, кто к нему обращался с подобным вопросом, поэтому на лице парня появилась болезненная гримаса.

– Да подъехали двое, этого, – кивнул продавец на лежащего возле «Мерседеса» водителя, – сразу наповал. А из «Мерса» вытащили мужика, пересадили в свою машину и увезли.

Павлов сделал безразличное лицо, как человек, которого все происшедшее полностью не касается. Но потом задал вопрос, который вызвал у продавца удивление. Генерал спросил:

– А ты, случайно, номер той машины не запомнил?

Парень посмотрел на него подозрительно. Хитрит, чего-то мужик.

– Не запомнил. Да меня уже об этом спрашивали вон те товарищи, – кивнул он на суесящихся возле трупa милиционеров.

Теперь рассчитывать на откровенность продавца было бессмысленно. Этого мужика, купившего у него пачку «Мальборо», продавец принял за переодетого мента, поэтому тут же отвернулся, сделав вид, что очень занят пересчитыванием мелочи, лежащей перед ним на тарелке. И Павлову оставалось только уйти. А парня жаль. Генерал разведки подумал о том, что теперь у него возникнет масса проблем. И ему не избежать встречи с братками, которые кинутся разыскивать вора. А все вопросы, заданные генералом, покажутся ему сравнимыми с нашептыванием любимой девушки. Братки не обладают такой деликатностью, возможно, по этой причине и ответы получают более правдивыми. Но сейчас, лучше уехать, чтобы не мозолить ему глаза. Будет лучше если парень его скоро позабудет. И генерал Павлов отошел от киоска, сел за руль старенького «Жигуленка», который принадлежал управлению разведки и использовался в основном для таких встреч, на которую приехал сегодня Павлов.

Неприметная машина не бросалась в глаза, а в случае чего ее и бросить можно, потому что по бумагам она уже давно списана, превратившись в ненужную кучу металлолома, причем с самыми, что ни на есть липовыми номерами.

Вернувшись в управление, Павлов зашел в свой кабинет и распорядился никого к нему не пускать. Нужно было все случившееся с Академиком хорошенько обдумать. Потерять такого человека для разведки было самым неудачным проколом. Через Адамова отрабатывались многие зарубежные счета, на которые текли денежки российского криминала. Ложить деньги у нас в стране, воры опасались. Слишком у нас ненадежная для них обстановка. Да и время не самое лучшее. Но преступный синдикат должен процветать, а для этого нужно устойчивое финансирование. И по этому вопросу Станислав Валерьевич Адамов мог дать самую подробную информацию. Теперь его исчезновение на какое-то время парализовало действия генерала Павлова.

Выкурив не одну сигарету, генерал еще и еще пытался проанализировать, кто мог похитить главного вора. Криминальные группировки отпадали сразу. Ни один авторитет не замахнется на такое дело без разрешения схода воров. И внештатные агенты, которых сотрудники разведывательного управления задействовали сразу после исчезновения Академика, дали информацию о полном смятении воров. Даже враждующие между собой группировки, на время заключили мир, всецело подключившись к поискам вора. Мощная криминальная машина заработала, но пока безуспешно. След главного вора отыскать никому не удавалось. ФСБ напрочь отвергала обвинения генерала разведывательного управления о своей причастности к исчезновению Адамова. И тогда у Павлова появилось подозрение, а не мог ли сам Академик организовать это похищение? Выкурив одна за одной, десяток сигарет, генерал разложил перед собой на столе все, что у них имелось на главного вора Адамова. Последними оказались бумаги, которые насобирал на него капитан Нельсон. Все это двое сотрудников разведывательного управления: майор Войнович и капитан Новикова изыали из машины майора главного управления уголовного розыска Федора Туманова. При обследовании конспиративной квартиры, которой пользовался капитан ФСБ Нельсон, они обратили внимание на странного человека, который, войдя во двор, проявил завидный интерес к стоящей машине, старому «Москвичу».

Напрасно тогда Федор Туманов обиделся на кудрявую милашку сидящую на лавочке и совсем не обращавшую на него внимания. Татьяна Новикова была опытным сотрудником, но старательно делала вид, будто все происходящее ее не интересует. И когда Туманов вытащил из-под сиденья «Москвича» папку с бумагами, она сразу догадалась, вот то, зачем их послал генерал Павлов. Просто фэсбэшник Нельсон не настолько был наивен, чтобы прятать все собранные на Академика документы дома. Он их спрятал в куда более надежном месте. Разве могла она вместе со своим напарником майором Войновичем, который усердно шарил в конспиративной квартире, предположить, что документы лежат вот, совсем рядом с сидящей на лавочке Новиковой.

Тут и толстушка дворничиха помогла своим воплем. Упустить такое зрелище Новикова не могла. Хотя поначалу, приняла Туманова за владельца этой развалюхи. И только потом, когда толстушка едва не забрызгала его всего слюной с головы до ног, а он достал папку, поняла, он пришел сюда затем, зачем и они с Войновичем. Он знал о существовании тайника. А они нет. Поэтому выиграл он. Но не использовал выгоду от выигрыша. Проследить за майором опером было не трудно. И они проехали за ним до самого управления. Немного смутило то обстоятельство, почему он оставил серую папку в машине да еще на видном месте. Что это, простая беспечность, или уловка? В рапорте на имя генерала, Новикова особенно подчеркнула этот факт, кстати, заинтересовавший и самого Павлова. Но больше его заинтересовало то, что Туманов знал, где Нельсон хранил эту папку с собранной компрой. И теперь, просматривая эту компру, генерал отводил майору Туманову в этой истории особое место.

– По случившемуся факту, у меня две версии, – обдумав все, сказал Павлов. – Первая – Академик сам мог инсценировать похищение, чтобы скрыться от нас, а также коллег из ФСБ, когда узнал, что капитан Нельсон сидит у него на хвосте.

И вторая. Если майор Туманов знал о существовании тайника в этой машине, стало быть, он в курсе того, что понаписано в этом компроматериале на Академика. И чтобы получить от Адамова полное признание, его могли похитить менты. Не сами, конечно. Нашли людей, кто на это подписался. Они и увезли Академика.

– Но зачем, товарищ генерал? – поинтересовался майор Войнович. – Ведь все, что насобирали этот капитан, теперь у нас и лежит перед вами. Документов-то у ментов нет.

Генерал поморщился как от зубной боли. Не выносил, когда его подчиненные не скупались на вопросы. Еще хуже, когда эти вопросы похожи на лепет несмышленища. Вот как сейчас, сказанное Войновичем.

– А если у них есть еще что-то, чего нет у нас? – строго спросил генерал, уставившись в ясные глаза майора. – И плюс сюда признания самого Академика. Если он у них.

– Но зачем это Туманову? – настойчиво допытывался Войнович. – Опера не ищет преступлений. Они работают по уже совершенным.

Кажется сейчас у генерала лопнет терпение. Щеки его налились нехорошим румянцем. Глаза засверкали.

– Я допускаю, что тогда все происшедшее с Мономахом, было делом случая, в который попал этот опер Туманов. Мономах был наш человек. Скольких трудов нам стоило, чтобы заиметь такого человека. Мы его потеряли. Появился Академик. И вот мы теряем и его. Причем, прошу обратить внимание, опять в поле зрения появляются одни и те же лица. Этот капитан Нельсон из ФСБ и мент, майор Туманов. Это что? Опять случай? Не многовато ли случаев? Это, скажу я вам, уже перебор. Если хотите, прямо какая-то закономерность. Причем, в тот раз фэсбэшник и мент просто обставили нас. Так неужели же подобное происходит и сейчас.

– Но фэсбэшник мертв, – посчитал своим долгом напомнить майор Войнович и, как оказалось, сделал так напрасно. Капитан Новикова и капитан Белозеров молчали. И Павлову сейчас очень не понравилось, что Войнович распускает язык, забыв о золотом правиле, которому их обучали в школе разведки: больше молчать, но еще больше слушать.

– Зато Туманов жив. И неизвестно, чего нам следует ожидать от него на этот раз. И мне, не хотелось бы, чтобы где-то появились признания вора в законе Академика о сотрудничестве с нашим разведывательным управлением. Поэтому Адамова надо как можно скорее найти.

– А может быть майора Туманова нам ликвидировать? – предложила капитан Новикова. Хотя тут же посчитала свое предложение не совсем уместным, в чем лишний раз убедилась после справедливого замечания генерала Павлова.

– Как Адамов ликвидировал Нельсона? Тогда как мы узнаем, где находится Академик? За ним надо следить. За каждым его шагом. Только так нам удастся все узнать. В этом, капитан Белозеров, мы надеемся на вас. Как у вас продвигаются дела по вербовке его подружки? – спросил генерал у толстячка с сияющей физиономией.

– Я с ней работаю, – заверил толстячок. Генерал тут же не поскупился на строгое замечание, касавшееся одного Белозерова:

– Пора бы уж вам, капитан, получать от нее конкретные результаты.

– Я постараюсь, товарищ генерал, – пообещал толстячок.

Когда вышли из генеральского кабинета, кудрявая капитан Новикова ехидно спросила у толстячка Белозерова:

– Что, не удастся обломать девочку?

Белозеров вздохнул, кивнув.

– Хвалиться нечем. Не удастся. Соблюдает верность своему менту.

Новикова посочувствовала. А потом предложила:

– Слушай, а может мне попробовать затащить этого майора в постель? Он мужик ничего, видный, наверняка баб любит. Как думаешь?

Толстячок только пожал плечами. Ну что можно тут посоветовать?

– Не знаю даже. Получится ли у тебя. Для этого ведь надо создать соответствующую ситуацию. Насчет его ручаться не берусь. Он трахает свою подругу и выглядит вполне сытым до баб. А вот его сослуживец, кстати, приятель, сейчас находится в трансе.

– Чего, это? – как будто бы удивилась Новикова и кокетливо поправила прическу, словно этим жестом хотела подчеркнуть свою привлекательность, и уж если Туманов не соблазнится на нее, то ей непременно удастся соблазнить его сослуживца. А толстячок объяснил:

– Три месяца назад сослуживец развелся с женой и теперь его подруга – холодная постель. И хоть член узлом завязывай, – хохотнул он.

Новикова сдержанно улыбнулась на такую вульгарность.

– Ну зачем же завязывать узлом... к тому же, если хороший член...

– Думаю, он у него в полной боевой готовности. Если у тебя есть желание всерьез взяться за его разработку, я готов показать тебе этого жеребца. Только надо будет генерала поставить в известность, – немного озабоченно проговорил Белозеров, привыкший к подчинению.

Новикова остановила его, придержав за пухлый локоток.

– Знаешь что, Олежек. Я думаю, пока не стоит об этом докладывать генералу. Вот как ты с этой девчонкой. С подругой Туманова. Поспешил, доложил. Теперь генерал с тебя не слезает. Результата требует.

Белозеров почесал затылок.

– Тоже верно. Доложить-то и потом можно, когда будут результаты.

– А ты, оказывается, смысленный, толстячок, – в знак похвалы, девушка щипнула капитана Белозерова за пухлый зад. Толстячок ойкнул, но тут же приняв этот жест сослуживицы за откровенное приставание, тихонько произнес:

– Я и в постели ничего. Может, хочешь попробовать? А, Татьяна?

Но от этого лестного предложения капитан Новикова отказалась. И, наверное, тому была веская причина. По управлению упорно ползли слухи, что уже немолодой генерал Павлов все еще оставался, охоч до привлекательных молодых женщин и, пользуясь своим служебным положением, сумел затащить молодую кудрявую сотрудницу в постель, объездив ее, как молодую кобылку. Так это было на самом деле или нет, никто не ручался, но иногда видели кудряшку Татьяну в генеральской машине, увозящей обоих на подмосковную дачу. А переходить дорогу начальству, да еще по части женщин, на это способен только идиот, заранее поставивший крест на своей карьере. Белозеров был не из таких, поэтому тут же отказался от только что произнесенного тихим голосом предложения, сказав:

– Танюша, я пошутил по поводу постели. Беру свои слова обратно.

На что женщина как бы с безразличием бросила:

– Я так тебя и поняла. Можешь не извиняться, – улыбнулась кудряшка и скрылась за дверью, на которой не было никаких обозначений. Здесь находился женский туалет.

Белозеров проводил взглядом привлекательную молодую женщину, пока за ней не закрылась дверь, и за это время успел представить ее роскошное тело в своей комнате, на своей постели. Смотрелась бы она неплохо, что и говорить. Тут же пожалел, что он не генерал, тогда бы мог ее трахать, как хотел и в любое время. И не надо даже заботиться о подарках. Достаточно всего лишь пообещать очередное звание. А пока... пока оставалось только вздохнуть и откланяться восвояси.

* * *

Вечером недалеко от ворот управления уголовного розыска остановилась желтая «Волга» такси. Кроме водителя, сотрудника разведывательного управления, в машине были еще двое: капитан Белозеров и кудрявая красотка в черном пиджаке и белой юбке. Был конец рабочего дня. И когда все, кто работал в аппарате розыска, стали по одному и группами выходить, толстячок Белозеров прилип к боковому окну, внимательно вглядываясь в лица. Не пропустить бы опера.

Увидев капитана Грекова одетого в потертые синие джинсы и серую неброскую на вид рубашку, Белозеров сказал Новиковой:

– Вон он. Видишь?

– Где? Покажи. Мне надо его получше разглядеть.

– Да вот же в серой рубашке с черными усами. Идет в нашу сторону. Сейчас он пойдет в пивнушку, и будет торчать там ровно до половины девятого.

– А потом? – несколько задумчиво спросила кудряшка, оценивающее приглядываясь к капитану Грекову. Чутье хищницы, привыкшей многого добиваться от мужчин через постель, подсказывало ей, что этот самец будет готов проглотить ее наживку. На встречающихся, на его пути женщин, он смотрит голодными глазами. И она даже попыталась представить, каким зверем он будет в постели. Но это ничуть не страшило ее. Скорее, наоборот. Давно устала от вялого генеральского члена. А молодой организм требовал буйства. С ним бы она могла побуйствовать. Главное, оказаться с ним наедине.

– Где он живет? – спросила кудряшка Новикова. А Белозеров не понял. Он засмотрелся на длинноногую красотку вышедшую из ворот.

– Что? – спросил он и тут же добавил: – Ты что-то спросила?

Кудряшка немного обиделась.

– А еще бытует мнение, что толстяки ленивые до женщин.

Водитель «Волги» хохотнул на это замечание. А кудряшка сказала:

– Олежек, хватит пялиться на баб. Давай, сначала по делу.

– Давай, – подхватил предложенное Новиковой толстячок и спросил: – Так что ты у меня спросила. Извини, я на минуту отвлекся.

– Я спросила, знаешь ли ты, где этот Греков живет?

– Да. Знаю. Место жительства его мы установили. Нужен адрес.

– Поехали.

– Куда? – не понял капитан Белозеров.

– Я хочу посмотреть, где он живет, – сказала кудряшка. И водитель завел мотор. Обернулся на нее. Посчитал, что здесь главная она.

– Надеюсь, ты в квартиру подниматься не станешь? – немного с издевкой проговорил Белозеров. Вот как все получается. С целью разработки «объекта» она запросто может с ним завалиться в постель. И такой поступок не будет порицаться генералом Павловым, но стоит ему, капитану Белозерову, зажать красавицу в укромном месте, и это воспримется, как домогательство. Причем, никакие обстоятельства, по поводу того, что Новикова сама изъявила на это желание, в учет не примутся. И в лучшем случае, капитана переведут куда-нибудь на периферию подальше с генеральских глаз. «Какая же все-таки вокруг несправедливость,» – вздохнул толстячок и назвал водителю адрес, куда следовало ехать. От управления уголовного розыска, это было в двадцати пяти минутах езды.

Когда «Волга» остановилась возле белой девятиэтажки, кудряшка с интересом осмотрелась по сторонам, отыскав на тротуаре почти рядом с домом лавочку. Потом сказала:

– Вот здесь я его и подожду.

Белозеров не понял ее замысла, спросил:

– Что ты собираешься делать? Не сочти за труд. Просвети нас.

– Ждать, Олежек, дорогой. Ждать этого капитана Грекова. А пока, не в службу, а в дружбу, сходи, купи пару бутылочек пива, – попросила Новикова. Толстячок улыбнулся.

– Для возбуждения или для дури?

– Для запаха, Олежек.

Он толком не понял, но переспрашивать не стал. Уважил просьбу.

Усевшись на скамейке с двумя бутылками пива, кудряшка сказала:

– А теперь, проваливайте отсюда. Вдруг он приметил нашу машину еще там возле ворот управления. Нечего вам светиться тут.

Белозеров засмеялся. Причем идиотским смехом, что особенно не понравилось кудряшке со званием капитан разведывательного управления. И она тут же потребовала от толстячка объяснений.

– Да он на «рогах» придет. Жену бы не узнал, если б встретил. А ты говоришь о машине. Мало ли в Москве таких машин.

Замечание было принято, но Новикова все равно попросила их удалиться. Отъехать хотя бы на противоположную сторону улицы.

– Ладно. Мы вон там будем, – показал Белозеров на дом стоящий метрах в пятидесяти отсюда. – Там уж он нас точно не заметит. Если что, вызывай по сотовому. Приедем, «рога» ему обломаем.

Кудряшка скроила недовольную мордашку и сказала:

– Какой же ты, Олежек, грубиян.

* * *

Они уехали вовремя, потому что на этот раз капитан Греков возвращался домой намного раньше, обещанного Белозеровым времени. Правда кудряшка уже успела осушить одну бутылку «Балтики». Из второй сделала только несколько глотков, когда увидела Грекова, неторопливо идущего по тротуару. Капитана слегка «штормило».

Кудряшка быстро сняла туфлю с правой ноги.

Сидящие в машине водитель и толстячок капитан переглянулись.

– Это чего она делает? – захлопал водитель глазами.

Белозеров толком сам не понимал. Удивился, сказав:

– Каблук ломает. Во, дает, Танька.

– Профессионалка, – заметил на это водитель. Из его уст это прозвучало как похвала Новиковой. Белозеров от похвалы воздержался.

Грек возвращался домой в опостылевшую от одиночества квартиру, куда и возвращаться-то не хотелось. Но и задерживаться на работе без толку не имело смысла. Поэтому почти каждый день, по дороге он заходил в пивнушку, неизменно выпивал стакан водки. А потом еще пару кружек пива. При этом не столько хотелось напиться, сколько поболтать со своими знакомыми. Хотелось общения. Но сегодня он никого из своих знакомых не встретил. Потому и вернулся домой раньше. Проходя мимо лавочки, обратил внимания на темно-волосую кудрявую женщину. Довольно привлекательную с хорошей фигуркой, и стройными ножками. В ее лице он усмотрел что-то такое, что заставило Грека остановиться. Может быть, то, что глянула она на него с мольбой о помощи. Видя, как она мается с каблуком, он присел рядом и спросил, с готовностью выполнить любое ее желание:

– Могу я вам чем-то помочь?

Она смущенно улыбнулась.

– Вот невезуха. Посидели с подругами немного. Пивка выпили, – показала она на недопитую бутылку, – Шла, нога и подвернулась. Сейчас ведь каблук так дерьмово делают.

Грек вспомнил о своем разорванном ботинке, которым как-то, неудачно цепанулся в метро, сунул ногу под лавочку и выдохнув в сторону перегар скопившийся во рту, сказал:

– И не говорите. Обувь сейчас ни к черту. Хоть босиком ходи.

– Вы не знаете, здесь поблизости обувной мастерской нет? – спросила кудряшка. Грек прикинул. Мастерской тут во всей округе не было. Поэтому тут же предложил девушке:

– Знаете, я тут живу рядом. Хотите, пойдемте ко мне. У меня есть и молоток, и клей и гвозди. Приколочу вам ваш каблук. Хотя я, конечно, не мастер. Но, думаю, первую помощь я вам оказать сумею. Или вы торопитесь?

Кудрявая симпатюля пожала плечами.

– Да, вообще-то, торопиться мне некуда. Я живу одна...

Грек заглянул девушке в глаза. Заметил в них затаенную грусть.

– Какое совпадение. Вы знаете, я тоже один, – он указал на небо и добавил: – Кажется, сама судьба уготовила нам с вами встречу, отломав каблук на вашей туфле.

Капитан разведки, Новикова, едва заметно ухмыльнулась. Знал бы этот усатый идиот, кто постарался с каблуком и зачем, тогда бы так сладко не пел тут. А туфли жаль. Были еще совсем новые. Носить бы еще и носить, если б не это обстоятельство.

– Возможно, вы и правы, – сказала она. А Грек встал и, протянув девушке руку, смеясь, продекламировал:

– Два одиноких сердца, сольются стуком в унисон.

Девушка расхохоталась. Что и говорить, развеселил ее спаситель.

– Признайтесь, вы любите поэзию? – смерила она Грека хитрым взглядом, как опытный учитель нерадивого ученика, прежде чем спросить не выученный урок. Капитан разведки была уверена, что вряд ли этому менту до поэзии. Но Грек не стал ее разочаровывать. Захотел блеснуть познаниями в литературе, вспомнить, что-нибудь из Заболоцкого, о судьбе которого прочитал недавно в журнале «Огонек», но в голову ничего не пришло. Поэтому сказал с серьезным выражением лица:

– А как же. Еще как люблю.

Кудрявая миляшка незаметно от него хихикнула, раскусив капитана мента во вранье. А Грек, чтобы избежать ненужных вопросов, которые могли еще последовать от девушки, поспешил сказать:

– Ну, так что, вы идете ко мне? Вон мой дом, – показал он на белую девятиэтажку.

Кудрявая голова девушки наклонилась, и она украдкой вздохнула, понимая истинную цель приглашения ментовского жеребца, который только и делает, что раздевает ее глазами, и готов трахнуть ее прямо тут на скамейке. Но другого выхода не было. Близость в постели сближает людей, подталкивает их к определенным обязательствам. И после того, как этот жеребец попрыгает на ней, отделаться уже не сможет от нее ни за что. А она, кроме удовольствия, получит возможность узнавать о каждом шаге майора Туманова. То, о чем говорил с ними генерал Павлов. И может быть, выяснит что-то об Академике.

– Иду. Только вы не боитесь, что, впустив меня в дом, я захочу чаю? – вопрос был задан как шутка, что само по себе развеселило капитана Грекова и он подумал: «А она, вроде, неплохая баба. Может мне захомутать ее». Думая так, Грек предполагал, чтобы между ним и этой кудряшкой, установить прочные отношения, не только забаву на одну ночь. Это слишком примитивно и достойно уличной проститутки, а на такую она, вроде, не похожа. А уж он тем более, человек серьезный.

Как и предполагала капитан разведки, отношения между ними закрепились бурной сценой в постели. Правда, сначала ее новый знакомый, как и обещал, приколашматил каблук,

предварительно промазав место разлома клеем, и сказал, что надо подождать, как минимум пару часов, чтобы клей схватился. Сказал с умыслом, как опытный бабник.

Новикова все поняла. Этот идиот точно рассчитал время, которое ему хватит, чтобы уложить ее в постель и натешиться вволю. Только он не учел одного, хватит ли этой кудрявой прелести с цепкой, как у кошки, хваткой того времени. Оказалось, не хватило.

Уже недели две Новикова не занималась с генералом сексом и теперь весь накопившийся голод удовлетворяла с капитаном Грековым, используя для этого разные изощренные позы и вспоминая похвалу генерала, который не раз говорил, что из опытной бляди получают толковые разведчицы. Не зря же он сам лично уже два года занимался ее подготовкой. Теперь можно и поблагодарить его. Спасибо, товарищ генерал, кой чему вы научили свою подопечную.

В постели кудряшка была великолепна. И это Грек отметил сразу. Вместо двух часов, они протрахались почти четыре. И теперь растянувшись на упругом диване, кроме чувства удовлетворения похоти, Грек испытывал адскую усталость. Даже шевелиться не хотелось. Стоило только закрыть глаза, как он тут же проваливался куда-то.

– Ты меня не провожай, – гудела из коридора кудряшка, надевая туфлю с приколоченым каблуком. Хотя Грек и не собирался ее провожать. Кое-как доплелся до двери. Причем, не стеснялся своей наготы и не одел даже трусов. Появившись в таком виде перед кудряшкой, увидел, как глаза ее расширились, наполнившись хищным блеском.

– А ты хорош, – похвалила она мента, сосредоточив внимание на том месте, которое ей в нем нравилось больше всего, и сказала: – Если ты не против, то завтра часиков в восемь я к тебе приеду и могу остаться на всю ночь. Мы повторим все то, что делали сегодня.

Грек был не против. Но когда кудряшка ушла, почему-то вдруг подумал о том, что если такой секс будет повторяться каждую ночь, то уже очень скоро он превратиться в подобие выжатого лимона. Оставалось надеяться только на то, что аппетит у этой кудрявой киски поубавится после нескольких ночей. Не робот же она, в конце концов.

* * *

Еще перед тем, как выйти из квартиры Грека, кудряшка достала из сумочки свой сотовый.

– Ты кому-то собираешься звонить? – поинтересовался Грек.

Девушка принялась тыкать пальчиком по кнопкам с цифрами.

– Хочу вызвать такси. Не пешком же мне возвращаться домой в такой поздний час, – сказала она, как бы удивляясь его непонятливости, и тут же добавила: – Сейчас такое на улицах творится. Изнасиловать могут запросто. Да я вечером и боюсь по улицам ходить одна.

Потом Грек выглянул в окно и удивился. Не успела его пассия выйти из подъезда, а «Волга» уже тут как тут. Вот это сервис. Тут же появилась мысль, а уж, не в таксопарке ли работает эта киска?

Толстячок капитан Белозеров сидел на переднем сиденье рядом с водителем и молчал. Столько времени прождали ее.

Татьяна Новикова уселась на заднее сиденье и когда машина отъехала, сладко зевнув, сказала:

– Олежек, почему ты меня не спросишь, как прошла вербовка будущего агента?

– Ну, если тебе так хочется... я могу спросить. Только смотри, не окажись в роли облапошенной дуручки. Ты думаешь, этот мент – олух? Как бы не так. И то, что ты полежала под ним в постели, еще ни говорит, что он будет стучать тебе на Туманова.

Новикова не обидевшись на коллегу, расхохоталась. После бурного занятия любовью с мужчиной, который был ей симпатичен, у нее, как у всякой женщины поднялось настроение.

ние, и все то, что сейчас говорил ей толстячок, нисколько не огорчало ее. Скорее, наоборот, веселило. И она сказала:

– Олежек, ты просто завидуешь.

Капитан обиделся. Они столько времени просидели в машине, страхуя ее на случай непредвиденных обстоятельств, а она появляется да еще говорит всякие неприятные слова. Белозеров обернулся.

– Это кому я завидую? – сухо спросил он.

– Да этому менту. Грекову. То, что он сейчас трахал меня, а ты не можешь. Так ведь? Ну признайся, только честно.

Толстячок обиженно поджал губы.

– Подумаешь, – протянул он с обидой. – То же мне девочка недотрога. – Он чуть было не ляпнул про любовника генерала, что неизвестно еще, как он отнесется к тому, когда узнает это. Но вовремя сдержался. Неосторожно брошенное слово да еще при свидетелях, каковым являлся водитель «Волги», равнозначно было покушению на личную собственность шефа и могло вызвать с его стороны самую негативную оценку. По крайней мере, не в пользу Белозерова.

А Новиковой почему-то сделалось грустно. И вздохнув, она сказала:

– Ты не прав, Олежек. Я слишком хорошо знакома с психологией мужчин.

– Еще бы, – вставил толстячок, со скучным лицом уставившись в окно на опустевшие от людской суеты улицы. Но женщина поправила его.

– Нет, Олег. Опять ты не прав. Тут совсем не то, что ты думаешь. Я имела в виду не занятия любовью. Совсем другое.

– Чего ж тогда? – с недовольной миной спросил толстячок. Не хотелось давать шанс этой шлюхе считать его недотепой.

– Понимаешь, просто надо уметь привязать к себе мужика, посадить на жесткий поводок, а потом держать как собачку, – философски рассудила в слух капитан разведки Татьяна Новикова.

Водитель, прапорщик разведывательного управления, сидел молча, предпочитая не вмешиваться в разговор офицеров. Его дело, крутить баранку, чтобы не попасть в аварию и довести господ офицеров в целостности и сохранности. А вот капитан Белозеров молчать не желал. Особенно не нравилось бахвальство генеральской шлюхи. Задается она.

– А ты умеешь? – дерзко спросил он. Так хотелось поиграть Новиковой на нервах, но что-то не получалось. Спровоцировать ее на нервоз, Белозерову не удалось. И она слегка пожав плечами, спокойно сказала:

– Давай скажем так. Я в достаточной степени обладаю определенными навыками в общении с мужчинами. Думаю, у меня получится.

Что это за навыки, Белозеров знал. Да и водитель тоже. И ровно двадцать минут назад капитан Новикова проявила их во всей красе. Но толстячку хотелось, чтобы все эти старания ее оказались безуспешными. Вот тогда бы он позлорадствовал над ней, как она в свое время над ним по поводу того, что ему не удалось найти подход к подруге майора Туманова. На этот счет, Белозерову хотелось ей ответить так, что подруга майора оказалась порядочной девушкой, а кудряшка Новикова – порядочной шлюшкой, которую используют для грязных дел. Это потом такие как она, добившись небывалого успеха в карьере, превращаются в вельможных дам, а до этого проходят такую школу, что любая уличная девка в сравнении с ними, всего лишь – порочное дитя, достойное легкой порки.

Глава 7

Около семи вечера Туманову позвонил знакомый из дежурной части ДПС. Сначала как и положено справился о здоровье, а потом...

– Николаич, наши ребята тут задержали двоих гавриков с оружием, вот теперь ломаем головы, куда их определить. Они пролетели на красный свет, ну и наши их тормознули и при проверке обнаружили у них два пистолета. Сам понимаешь, за проезд на красный свет в камеру не сажают. А вот оружие... В общем, я тут покумекал, может ты возьмешь их к себе. Поработаете с ними. Откуда оружие, узнаете. Проверите, может, они у вас значатся в розыске. Ну и все такое. Ты как, не против? – спросил дежурный.

Туманов был не против. С одной стороны, лишняя возня, вроде бы и ни к чему. Но с другой, дежурный прав, что если задержанные, отъявленные бандиты находящиеся в розыске за совершенные убийства.

– Ладно, давай, вези их к нам. Посмотрим, что с ними делать, – согласился Федор, на что дежурный радостно сообщил:

– А я уже их отправил. Жди, Николаич, – и повесил трубку, не дожидаясь, пока Туманов назовет его хитрецом.

Первым из задержанных оказался здоровенный парень, лет двадцати пяти с угрюмым взглядом и отвисшей нижней челюстью. На оперативников он смотрел спокойно, как на старых знакомых, с которыми давно не виделся и вот, наконец, выкроил время и решил навестить. На вопросы отвечать он отказывался. Но скрывать имя и фамилию было бессмысленно. Вместе с рапортами гаишники передали операм и его водительские права. И уже скоро было установлено, что Баскаков Олег Владимирович пару раз уже привлекался правоохранительными органами, причем, по весьма серьезным статьям. И к своим двадцати пяти годам уже отсидел ровно шесть. И по всему чувствовалось, что парень он тертый, не раз побывавший в разных переделках. По своему опыту Федор знал, рассчитывать на откровение таких твердолобых, нельзя. Такого психологически сломить тяжело. А наличие при нем оружия, указывало, что оба шли на какое-то серьезное дело. Обоймы обоих «ТТ» оказались полными, и отсутствие в стволах запаха пороха, указывало на то, что из оружия еще не успели выстрелить. Хотя это ничуть не облегчало задачу, получить достоверные сведения о том, куда направлялись мальцы и где собирались пошалить со своими пистолетами. А ведь где-то собирались. Куда-то ехали. Но куда?

Оружейники не успели так быстро провести экспертизу отобранных «стволов», но Федор решил сработать на опережение. Достал из ящика стола заключение, которое дал ему Мушкаренко по «макарову», найденному на асфальте под балконами в ночь покушения. Показал молчаливому детинушке со словами:

– Смотри, Баскаков. Наши эксперты утверждают, что из твоего пистолетика сегодня застрелен известный вор Академик.

Целую минуту бугай с кулаками, как боксерские перчатки, оторопело, не моргая, смотрел на Федора. В его здоровенной, как баскетбольный мяч, голове, что-то прокручивалось. И продолжалось это не больше не меньше, а ровно минуту, Федор нарочно смотрел на часы, дав возможность парню собраться с мыслями. Этих амбалов бог не обидел силушкой, но почему-то обделил умишком. И этот Баскаков не исключение. Полный дебил. Сидя на стуле, предназначенным исключительно для тех, кого допрашивали в этом кабинете, он усердно ковырял ногти, насколько это позволяли делать металлические браслеты, стянувшие руки. Это был знак того, что паренек волнуется. Но как сделать так, чтобы он сломался окончательно, Федор не знал. Даже сейчас, после предъявления липового заключения экспертов, он только еще больше отвалил нижнюю челюсть и угрюмо произнес:

– Не надо меня на понт брать, как прошляка, гражданин начальник. Я не убивал Академика. И вообще, я бы на вашем месте поостерегся такое говорить об уважаемом человеке. Кой кому, это может не понравиться, – предупредил он. Но майор Туманов только пожал плечами.

– А что я выдумал?

– Про то, что Академик убит, – напомнил Баскаков, слегка насупившись. Очень не понравилось, что Туманов дурачка из себя ломает.

Майор молча положил на стол перед детинушкой киллером фотографию, на которой тот увидел лежащего на асфальте возле «Мерседеса» мертвого водителя Академика в луже крови.

– Ты случайно это парня не знаешь? – спросил майор и положил другую фотографию, на которой лицо водителя было снято крупным планом. Пусть детинушка посмотрит. Не на такое ли дельце ехал он?

Баскаков глянул, и на лице его вдруг выступила едва заметная бледность. А Туманов словно и не заметил ее, сказал как бы между делом:

– Свеженькие фотки. Сегодняшние. Это все произошло не далеко от того места, где вас задержали. Чего скажешь, Баскаков?

Детина киллер молчал, уставив понурый взгляд в пол. Но Федор чувствовал, что он надломился. Оказывается он не такой уж и кремень, как показался по началу. Может и душа не испорчена у него?

Странно, но к Туманову пришла мысль, что Баскаков имеет какое-то отношение к исчезновению Академика. Возможно, он и его напарник обеспечивали прикрытие, когда другие в это время расправлялись с водителем Академика. И Федор не поленился сказать об этом детине киллеру, не забыв приврать, будто воры теперь подняли всех на ноги. Про то, что Академик похищен, говорить задержанному не стал. Зачем раньше времени выдавать факты. Пока это делать не стоит.

А Баскаков сидя в кабинете опера, ломал голову над тем, что произошло. Но вдруг за это спросится с него. Он должен был подъехать и сделать все так, как приказывал ему Адамов. А теперь... теперь просто не остается выбора. Он еще раз взглянул на фотографию убитого водителя, но на всякий случай поинтересовался:

– А где, Станислав Валерьевич?

– Академик на заднем сиденье «Мерса». Киллер открыл дверь, изрешетил его всего пулями. Неприятное зрелище, скажу я тебе. Воры увезли его. А водитель, – указал пальцем майор на здорового парня лежащего в луже крови возле машины, – остался. Адамова мы не успели сфотографировать. Но воры пообещали, что найдут того, кто это сделал, и на куски порежут. И с теми, кто должен был охранять Академика, поступят также. Вот так, Баскаков. Чувствую, ты влип, парень.

Баскаков вздрогнул и заерзал на стуле. Наверное, он представил себя в роли той жертвы, которой предназначалась угроза, произнесенная майором Тумановым. И похоже было, что майор не врал. Водителя Академика, Баскаков хорошо знал. На асфальте лежал он. Значит...

Руки, закованные в наручники, дрожали. Баскаков запросил воды. Кое-как выпил один стакан. Потом попросил еще и выпил другой. Потом отер рукавом рубахи влажные губы и сказал:

– В общем так, гражданин начальник, если ты мне не поможешь, то скоро меня прикончат. Точняк говорю. Замазан я. Отвечаю.

Туманов как будто бы удивился. Верене сделал вид, что удивился.

– Как же так, родной? Ты же сказал, что ко всему случившемуся с Академиком ни ты, ни твой напарник, не имеете никакого отношения? – не заметно для Баскакова, Федор нажал

кнопку записи на диктофоне, который лежал в ящике стола, а микрофон от него был вмонтирован в стол возле стоящей настольной лампы. И никто из делающих свои признания и предположить не мог, что черная пластмассовая штуковина возле лампы, тщательно улавливает каждое слово произнесенное ими, что в последствие не позволит отказаться на суде от своих слов. Сколько всего понаслышалась эта штуковина, передавая звук на пленку. Теперь улавливала признания Баскакова.

Детина взглянул на майора Туманова виноватыми глазами.

– Станислав Валерьевич велел нам похитить его...

Это было новостью для Туманова. Академик решил организовать собственное похищение, но зачем? С этим вопросом было глупо обращаться к такой пешке, как Баскаков, но, тем не менее, майор решил. На удачу. И удача не оправдала его надежд.

– Откуда же я знаю. Я его об этом не спрашивал. Что я дурак? – отвесив челюсть, проговорил Баскаков, удивляясь наивности мента.

Пятнадцать минут назад перед Федором сидела неприступная гора из человеческой плоти, к которой невозможно подступиться. Баскаков. И вот теперь он превратился в беззащитное существо, которое мести воров боится больше, чем тюрьмы. И просит защиты у него, опера.

Федор выглянул в окно, увидел стоящую на площадке «восьмерку» серого цвета и спросил:

– Это вы приезжали ко мне?

Баскаков опять вздохнул, понимая, что отпираться бессмысленно. Раз начал давать показания, не стоит останавливаться, тем более что Туманов остался живой. А его вины тут нет. Он выполнял приказ.

– Так велел Академик. А куда нам было деваться? Извини, начальник.

Вопрос был задан существенно. Любой простак знает, что это, значит, послушаться вора. И Федор махнул рукой.

– Ладно. Проехали. Только скажи мне, Баскаков, куда ты дел своего напарника? Я потом вышел, а его нету. Убил?

Детина и это не стал скрывать. Понуро кивнул башкой и сказал:

– Я сделал все так, как велел Станислав Валерьевич.

«Вот чурбан исполнительный,» – подумал про него Федор и все же решил настоять на своем вопросе, надеясь получить искренний ответ.

– И все же?

– Я его выбросил в канализацию. Думаю, труп его вы вряд ли уже теперь найдете, – признался детина киллер в смерти своего напарника.

– И капитан Нельсон – тоже ваша работа?

Баскаков опять кивнул. Теперь не имело смысла врать оперу.

– Наша, – сказал он, только теперь задумавшись о своей судьбе.

– Тоже велел Академик?

В ответ, все тот же кивок головы. И молчание. А еще вздохи.

В соседнем кабинете капитан Греков с лейтенантом Ваняшиным беседовали с молодым напарником Баскакова. Этот соплук только пришел из армии и захотел острых ощущений. Баскаков пообещал, взять его на дело, которое сорвалось благодаря бдительным дпэсникам. Пацана можно было выпустить под подписку, но Туманов решил пока подержать его в камере. Вдруг тот чего-нибудь вспомнит такое, что забыл ему дорассказать Баскаков. Или нарочно утаил.

– Интересно. Где же сейчас Академик? – задумчиво произнес майор, прикидывая, кому все-таки было выгодно его похищать.

Детина Баскаков при этих словах опера подскочил со стула.

– Как же так, гражданин начальник, вы только что говорили, что Станислав Валерьевич убит и воры... – он осекся, не договорил.

– Дорогой мой, – заговорил Туманов с Баскаковым, как с хорошим другом. – Я высказал тебе свое предположение. По крайней мере, на месте преступления труп вора Академика не обнаружено. А где он? И что с ним? Мы и сами не знаем. Только догадываемся. А насчет воров... можешь считать это моей шуткой. Но что воры засуетились, это истинная, правда. А ты прокололся. Теперь посуди сам, что с тобой будет за такой прокол? Кем тебя считать будут? Как думаешь?

Говорил Туманов столь убедительно, что у Баскакова не возникало и малейшего желания для возражения. Да и куда ему теперь деваться от ментов. Раз ссучился, раскололся без малейшего нажима.

Когда Баскакова и его подельника увели, Грек с Ваняшиным зашли в кабинет к Туманову.

– Наш парень оказался обыкновенной шестеркой, – сказал Грек про задержанного, с которым только что они разговаривали почти битый час. – Твердит одно, что Баскаков взял его на дело, а куда, что, рассказывать не стал. Мол, узнаешь потом.

– Наверное, он собирался все рассказать ему дорогой, – высказал Туманов свое предположение. – И не успел, потому что их остановили гаишники. Сорвали бандюкам все планы.

– Может и так, – устало сказал Грек и попросил у Ваняшина: – Леш, дай закурить. У майора я сегодня уже спрашивал. Больше не даст, – подмигнул он лейтенанту, проверяя Федора на жадность.

– На. Кури, – Туманов бросил на стол пачку сигарет.

Грек с наслаждением сунул сигарету в рот, вернул пачку и сказал слащаво улыбаясь:

– Добрый ты человек, Федор Николаевич. Ценю таких людей.

– Не примазывайся, Грек. Получишь получку, за каждую сигарету мне выплатишь. Я теперь на тебе деньги делать буду. За каждую сигарету буду драть в три раза дороже. Мне деньги нужны, – сказал Туманов. А Грек потягивая сигаретку, заулыбался.

– Кому они не нужны, Николаич. Я тут на днях с одной очень интересной девчиной познакомился. То ей цветочки купи. То хреночки. А себе на пачку «Явы» не хватает, – пожаловался Грек, на что молодой лейтенант Ваняшин рассудительно заметил:

– А ты чего, мечтал ее задаром трахать. Нет, товарищ капитан, за все платить надо и за пипиську в том числе.

– Видал? – спросил Грек у Туманова, кивнув на лейтенанта. – Вот она психология современной молодежи. Нет, чтобы проникнуться сочувствием к одинокому человеку с маленькой зарплатой и предоставлять бесплатные сексуальные услуги. Я скоро без копейки останусь. Леш, дай десятку на пиво? Не могу себе отказать в любимом напитке. И знаете, что моя кудрявая подруга удумала? – сказал Грек.

Ваняшин с Федором переглянулись.

– Откуда же мы можем знать, если ты не говорил, – сказал Федор.

Грек улыбнулся. Темноглазый, чернобровый со смуглой кожей он и в самом деле был похож на грека. И Федор не раз думал, как удачно подходит его фамилия к внешности. А может быть, кто-то из далеких предков Грека был выходцем из этой прекрасной страны. И вполне могло статься, что Грек сейчас бы был не здесь в суетной Москве, а грелся бы на песчаном берегу моря в своей Греции.

– Она хочет, чтобы как-нибудь вы оба пришли ко мне домой. В гости.

Грек поочередно посмотрел на Федора и Ваняшина. Оба подивились мудрости незнакомой женщины. Ведь если разобраться, по большому счету, они дружат только на работе, а разошлись и у каждого свой дом, свои проблемы и заботы. А почему бы и в самом деле

не взять и не собраться в выходной. Дружба, она же не заключает только общение в рабочей обстановке. Она гораздо шире, как сама жизнь.

– Слушай, а неплохая мысль, – согласились Федор с лейтенантом Ваняшиным. А Грек не упустил похвалить свою кудрявую прелесть.

– Я же говорю, она у меня умница. Если все нормально будет, осенью женюсь на ней, – похвалился капитан, сделавшись вдруг важным.

– Слушай, да ты ведь вот только что разошелся, – напомнил ему Ваняшин, пытаясь отговорить от поспешного решения и, возможно, неверного шага. И мало знакомы они. Но Грек упрямо стоял на своем.

– Одно другому не мешает. Был женат. Теперь холостой и могу опять жениться. А? Правильно я говорю, Федор Николаевич? Разъясните, товарищ майор, нашему молодому другу мое законное положение.

– Знаешь, Грек, по поводу женитьбы, это дело сугубо личное. Поступай, как хочешь. Но пока ты еще не женился и голова твоя полна ясности, давай не будем отвлекаться. Мы все-таки на работе, – напомнил Федор. Улыбка с лица Грека сразу исчезла и он обиженно проговорил:

– Ну, Туманов, зверь ты. Даже помечтать не дал. А ведь вот тут, в твоём кабинете, можно сказать решалась судьба новой семьи. А ты вот так взял и рубанул по моему счастью, Федор Николаевич. Теперь не буду жениться, – тут же отрекся капитан от своего только что данного обещания по поводу свадьбы. Причем, говорил это вполне серьезно.

Туманов с Ваняшиным расхохотались.

– Ладно, ребята, давайте по делу. У кого, какие соображения по поводу этих двоих? – спросил майор Туманов. Надеялся, что помощники его не разочаруют. Только они надежд не оправдали.

– А какие тут могут быть соображения? – сказал Грек. – Баскакова можно привлечь не только за хранение оружия, но и за убийство Нельсона.

– Он не убивал. Был за рулем машины. Стрелял другой, – напомнил Федор, но Грек тут же напомнил старшему по званию, сказав:

– Которого он тоже отправил на тот свет. Пусть и по приказу Академика. И вообще, Николаич, по моему мнению, мы влезаем в такой геморрой, от которого нам сладко не будет. Поверь моему слову.

– Верю, – сказал Федор. А Грек покачал головой и добавил:

– И все равно влезает? Настырный ты, Николаич. И нас таких же упертых, как баранов, набрал к себе. Ох, наемся мы, – вздохнул капитан, не забыв глянуть на часы. Он спешил к своей кудрявой подруге.

Глава 8

– Да ты знаешь, пацан, против кого язык распускаешь? – гневно спросил Андрюха Козырь у стоящего перед ним парня по кличке Бум. Бум был в личной охране вора Козыря. Ну и иногда выполнял кой, какие несложные поручения. А сегодня проезжая по улице генерала Талолихина, он увидел белый шестисотый «Мерс» Академика. И возможно, не придал бы этому значения. Да и мало ли какие дела могут быть тут у главного вора, если б не увидел, его самого вылезавшего из старого потрепанного «Жигуленка». Еще толком не осознавая, свидетелем какого открытия он стал, Бум сбросил скорость и проезжая мимо «Жигуленка», заглянул в лицо человеку сидящему за рулем этой машины.

Недавно Бум познакомился с одной красоткой. Девчина была набалована до невозможности, но Бум терпел ее капризы, потому что второй такой мастерицы в постели, он не встречал. Да и не любил пользоваться услугами случайных девочек, от которых словить трипачок, все равно, что слизнуть мороженое. А тут уж пялишь одну, зато в полной уверенности, что потом не придется посещать кабинет венеролога. Правда, для закрепления отношений, приходилось врать о горячей любви, которой якобы Бум воспылал к девчине. Но к подобному вранью крутой парень давно привык. Не она была первой, кому он искусно ездил по ушам. И вот однажды эта девчина взяла Бума с собой на юбилей дяди, который явился к столу в генеральском мундире. Бум выдавал себя за студента академии менеджмента и права. Так племянница представила Бума своему дяде генералу.

И вот теперь, как оказалось, этот самый дядя генерал прекрасно знаком с вором в законе Станиславом Валерьевичем Адамовым. И возможно, Бум не сказал бы Козырю о той встрече вора с дядей генералом, если б не исчезновение Академика. Может тот генерал знает чего.

Теперь же, выслушав все от начала до конца, Андрюха Козырь едва сдерживал себя от ярости на олуха охранника.

– Почему же ты раньше не рассказал про генерала? – спросил Козырь, чувствуя, что терпение его на исходе. То, что Бум неполноценный дурачок, никогда не сомневался. Но не до такой же степени. Узнать такое про Академика, который столько раз говорил о моральной чистоте среди законных и, похоже, сам за спинами воров снюхался с этим гэбэшником генералом. Но Андрюха знал и другое, отношения между ними не могут быть просто дружескими. Статус вора такого ранга, каким является Академик, не позволяет просто так дружить с ментами, прокурорами и гэбэшниками. А стало быть, отношения между ними имеют взаимную деловую заинтересованность.

– Так почему ты сразу не рассказал мне о генерале? – повторил свой вопрос Козырь. Бум, как ни в чем не бывало, пожал плечами.

– Да я сперва значения не придал, – сказал Бум, уставившись на картину, висевшую на стене, на которой полуобнаженная танцовщица веселилась в объятиях двух мужчин испанцев. Для Бума не важно было, кто является автором этого шедевра и цена его почти в двести тысяч долларов. Ему нравилась девушка, и все. Нравилась ее симпатичная мордашка, темные волосы, спадающие с плеч, открытая грудь видневшаяся сквозь вуаль. И каждый раз глядя на эту красавицу, Бум жалел, что художник поспешил и не предоставил ко всеобщему обозрению, самое итимное место танцовщицы. А оно, судя по густым темным волосам на голове, должно быть у нее очень привлекательным и контрастно выделяться на белом теле.

– А потом придал? – спросил Козырь, отчаявшись переубедить верного холопа в его суждениях. Вот уж действительно тот случай, когда горбатого только могила исправит. Хоть по лбу ему стучи.

На широкой роже очкастого Бума появилась счастливая улыбка, словно вор Козырь одарил его рублем.

– Придал, – сказал он и тут же добавил: – Как узнал, что Академик пропал, сразу решил вам рассказать. Все-таки такое дело... Он главный вор. А этот генерал из разведки. Чего их связывает между собой?

Вор вздохнул. Ругать Бума за то, что поведал он все это немного поздно, было пустой тратой времени. Поэтому Козырь, посчитал, что будет лучше, похвалить его. А, похвалив, взял слово, что больше никому Бум не расскажет об этом.

– Сам понимаешь, кем ты будешь выглядеть, если узнается, что генерал этот не причастен к исчезновению Академика, – убеждал Козырь.

Бум только кивал головой. Во всем полагаясь на совет вора.

– А за генералом этим надо понаблюдать. Ты адрес его узнай у своей подружки. Мы туда своих людей пошлем. Пусть посмотрят, что да как. Хотя уверен, генерал этот Академика не похищал. Какой смысл? Если у них были общие дела. Тут кто-то другой постарался.

В этот же день головорезы Козыря привезли шлюшку, которую иногда Академик оставлял у себя ночевать. Сначала с ней вели довольно культурный разговор, задавали вопросы про Академика. Но вся эта возня ни к чему хорошему не привела. А девчина, подмахивая главному вору в постели, возомнила себя едва ли не первой леди государства. Ее кривляния Козырю надоели, и он велел вколоть ей пару уколов, которые должны были развязать зазнайке язык.

Бум сделал все так, как велел вор, после чего красотка стала нести такую ахинею, что у Козыря разболелась голова. И он не выдержал.

– Все. Хватит, – сказал Козырь, чувствуя, что еще немного и он просто свихнется от ее болтливости. – Зря только время потеряли с ней. Академик видно не посвящал эту шлюху в свои дела. Использовал ее для другого. Она ничего не знает.

– А что нам теперь с ней делать? – несколько растерянно спросил Бум. Все-таки она была девушкой самого Академика и мало чего. И исполнительный Бум решил подстраховаться. Как скажет Козырь, так они и сделают. Но вряд ли вор позволит оставить ее в живых.

Козырь глянул на задравшуюся юбку, из-под которой была видна узкая полоска беленьких трусиков. Девчонка была хороша. Сразу чувствовалось, Академик знал толк в бабах. Но она не была его пассией.

– Нельзя, чтобы она кому-то рассказала, о чем мы ее здесь спрашивали. Понимаешь меня? – обратился Козырь к Буму, как будто кроме него больше тут никого не было. Хотя в комнате еще находилось четверо пахотливых мордovorотов, которые только того и ждали, чтобы Козырь отдал им красотку. И теперь услышав его слова, уже нисколько не сомневались, что каждый из них будет вознагражден за свои старания, возможностью заняться с девушкой любовью.

Козырь кивнул, обернулся на девушку. Та в полупьяном состоянии развалилась на кресле, куда ее усадил заботливый Бум.

Еще не успел Козырь выйти из комнаты, как его молодцы в миг распаковали красотку, освободив ее от одежды. Бум, на правах старшего, уже раздвинул девушке ноги и, приспустив брюки, нацеливался попасть ей точно в то место, которое больше всего нравилось ему в женщинах. При этом девушка не издала ни единого звука. Козырь даже не мог поручиться, жива ли она сейчас, все-таки такая доза наркоты. Но, похоже, Бум не волновался о ее душе. Его интересовало только ее тело, поэтому так старательно он разминал обеими руками ее большие груди, и прыгал, как кролик, доставляя себе наслаждение.

На утро два бомжа обнаружили в мусорном контейнере мертвое тело молодой девушки. Она умерла от передозировки.

– Что, нельзя было закопать ее? – отчитывал своего безмозглого охранника Козырь. – Теперь менты будут копать, искать того, кто это сделал. – И вор призадумался, глядя в глаза своему верному охраннику. Чего нельзя было сказать про Бума. Глядя на него, казалось,

что этот человек напрочь лишен возможности мыслить. Но он верный. И исполнительный. Поэтому Козырь оставил его в своей охране.

Глава 9

Сашка Зуб был доволен. Не обманул его Юран. Дело оказалось не сложным. Они уже догнали белый «Мерседес», когда тот вдруг взял да и остановился. Им и останавливать его не пришлось. Юран только притормозил, а Зуб высунул руку с пистолетом и выстрелил пару раз в водителя «Мерседеса». Так велел Юран.

– Надо старика из «Мерседеса» перетащить в нашу машину. И быстро смываемся, – на ходу бросил Юран, выскочив из-за руля «восьмерки». Сашка следом. Вдвоем подбежали, открыли дверь.

Кажется, тот, кто сидел на заднем сиденье «Мерса» вздумал заупрямиться, понес какую-то чепуху. Но у Саньки Зуба не было времени его слушать. Пришлось врезать старичку по харе, чтоб тот успокоился и понял, чего от него хотят эти ребята, которые не намерены с ним шутить. А недовольство свое пусть потом выражает.

Санька сам залепил старику рот и глаза. Рот, чтобы не вздумал орать, а глаза, чтобы не видел, куда его везут. Так велел Юран. А Санька возражать не стал. Ему-то какая разница. Только, чтобы с деньгами их не обманули. Но Юран обнадежил, сказав:

– Не бойсь. Все путем будет. Сколько было обещано, столько и получишь. Все до цента. Главное этого, – кивнул он на лежащего на сиденье старика, – довезти и сдать на руки. Получаем деньги и мотаем.

Санька обернулся. На душе полегчало. Считай, полдела сделали.

Старик ворочался под покрывалом, крутил головой и, как показалось Саньке, всхрипывал. Зуб даже расхохотался.

– Чего ему будет? Я же его не сильно ударил. Ну, может, высадил пару зубов. Но, это не смертельно. Жить будет. Скорей бы уж доехать.

Юран сидел за рулем, стиснув зубы. Слушая Саньку, ухмылялся. Уверен был, Зуб не имеет ни малейшего представления, кому саданул по зубам. Решил обрадовать приятеля. Пусть знает, кого они увезли.

– Ты знаешь, кого мы с тобой везем?

Санька перестал хохотать. Об этом он не задумывался, потому что был уверен, старичок этот самый настоящий фирмач. И тачка у него классная, и костюмчик на нем не менее двух штук баксов.

– Нет. А кого? Ты же говорил, он деньги не отдает, – впервые озадачился Санька, не сводя глаз с сосредоточенного лица приятеля, который, словно нарочно, затягивал с ответом. И вот решился сказать.

– Вора в законе, – наконец проговорил Юран и повернулся к Саньке, чтобы посмотреть, как у того глаза поползут на лоб от удивления.

Зуб несколько минут сидел молча, тупо уставившись на набегавший им навстречу асфальт. Не дурак, понимал, что им может быть за такое. Хорошо хоть убивать его не пришлось. Уже когда ехали за «Мерседесом», Юран сказал, что планы несколько изменились. Убить придется одного водителя. Старика взять живым. Вот подпряг его Юран. Утешало одно, что и сам он в одной упряжке с Санькой.

– Все пучком, Зуб. Не трухай, прорвемся. Ты только помалкивай, держи язык за зубами и все пучком будет. Никто о нем не узнает.

Но Санька уже и засомневался, хотя про свои сомнения и не сказал. Обернулся. Под гибельное дело подписался. Не простят им вора.

Старик под покрывалом уже не бился. Лежал смирно. Видно смирился со своей участью. Теперь вот и Зубу придется смириться и подавить в себе смятение. В конце концов, есть оправдание, он ведь не знал, кого предстоит похитить. Выходит, подставил его Юран.

– А я тебе нарочно не сказал, – засмеялся Юран, чему радуется, не понятно. – Тогда бы ты ни за что не согласился. Верно? Не согласился?

Санька подтвердил:

– Это верно. Не согласился бы. Ни за какие деньги.

– Вот видишь. Ловко я тебя обманул. Правда? Ну скажи, – сказал Юран, свернув в тенистую аллею Измайловского парка.

– Правда, – уже без прежнего оптимизма, согласился Зуб, заметив впереди, стоящую на поляне машину, явно поджидавшую их.

На поляне, среди густой поросли молодых кленов, стоял темно-синий «Фольксваген» с тонированными стеклами. Это была машина Семена. Причем, стояла она к подъезжавшим задом. За рулем «Фольксвагена» сидел не Семен, а кто-то другой. Семен рядом.

Когда они остановились, правая передняя дверь иномарки открылась, и Семен вылез из машины. Уверенно направился к «восьмерке».

Санька не знал, кто это, но посчитал излишним спрашивать у Юрана. Знал, такие вопросы, как правило, не приветствуются в криминальной среде. Да, собственно, и какая ему разница. Только бы тот здоровяк не обманул с деньгами. Что-то Саньке стало подозрительным в нем. Такое впечатление, будто он о деньгах совсем позабыл, а идет, чтобы дать им какие-то распоряжения по поводу вора.

– Знаешь, Юран, если он скажет, убить его, я пас, – успел шепнуть Зуб. Юран тут же толкнул его локтем в бок, чтоб замолчал.

Семен подошел, за руку поздоровался с Юраном потом с Санькой. Потом спросил, заглянув в салон «восьмерки»:

– Как прошло?

– Сработали чисто. Свидетелей не оставили. Был один водитель, но Зуб, – кивнул Юран на Саньку, – его завалил.

Семен оценивающе посмотрел на Зуба, потом похвалил:

– Молодец. Молодой, а ловкий. Ценю таких мастеров. Ну, ладно. Давайте, доставайте его, – кивнул он на лежащего под покрывалом вора.

Санька повеселел после похвалы. Засуетился, стараясь угодить.

– Это мы сейчас. Мигом. Мы ему руки и ноги скрутили скотчем, чтоб не дергался, – сообщил Санька, хотя ему, как незнакомому с Семеном, пожалуй, лучше бы было помолчать. Договаривался не он, а Юран.

Но с большим интересом Семен смотрел не на него, а на Зуба. И Санька опять услышал в свой адрес похвалу, от которой едва не разомлел. Чувствовал, Семен не из простых. Не из шестерок. И потому очень хотелось угодить ему. Показать свое старание.

Он откинул переднее сиденье, протиснулся к заднему и сбросил покрывало. Поразило то, какой вид был у старика. Глаза открыты. Щеки были бледными. А из носа вытекала смесь зеленоватой жидкости с кровью. И вроде как не дышит старичок. Неужели отдал концы вор?

Санька потрогал эту жидкость пальцем.

– Сопли, – сказал он. А Юран с Семеном не поняли, но уже почувствовав, что произошло что-то не то. Семен выругался и сказал:

– Давай, волоки его сюда. А сопли потом пускать будешь.

– Да нет. Это не у меня. Это у него сопли. Он умер. Задохнулся, – растерянно пробормотал Санька, для верности потрогав на шее старика артерию. Хотя чего трогать, когда по телу уже пошли пятна.

Казалось, Семен сейчас перевернет «восьмерку», так он ее качнул, что Санька выкатился из салона и упал на траву. А сам Семен перегнулся и схватил Академика за склеенные скотчем руки.

Юран успел закурить, но оттого, что произошло, забыл про сигарету. Открыл рот, и сигарета вывалилась ему под ноги.

Семен свирепо посмотрел на обоих.

– Вы что, мать вашу! Суки! Как вы могли допустить такое?

– У него сопли, – забормотал Зуб и попятился поближе к Юрану. Показалось, сейчас Семен вытянет свою ручищу, ухватит Саньку за голову и оторвет ее одним взмахом, как воробью. И Юран испугался.

– Семен, мы же не знали, что у него насморк, – попытался, было оправдаться Юран, но получилось слишком не убедительно. Семен не принимал никакие доводы. И он справедливо заметил, сказав:

– Вы, козлы, должны были предвидеть все. Раз взялись за дело. И выяснить, что он страдал хроническим насморком. А раз так, не следовало заклеивать ему рот. Что теперь делать? – он посмотрел на обоих парней, но взгляд задержал почему-то больше на Юране, как бы обвиняя в случившемся его одного. Как будто Саньки тут не было.

Теперь Санька нисколько не сомневался, что обещанных денег ему не получить. Да и за что платить, раз вор мертв. А водитель много не стоит. И Зуб вздохнул, проклиная себя за то, что связался с Юраном. А Юран проклинал Саньку. Это ведь он, идиот, заклеил Академику рот. Вот тот и задохнулся от собственных соплей. Ничего не скажешь, приятная смерть. Только что теперь будет с ними самими?

Похоже и Семен ломал голову над тем же. Он оглянулся на «Фольксваген», дверь которого уже приоткрылась и оттуда высунулась голова.

– Подождите тут, – сказал Семен. Голос его звучал уже не так грозно, и у Саньки прямо от сердца отлегло. Черт с ними, с деньгами. Отсидит он сколько положено за ту шалашовку. Лишь бы живым уйти отсюда. Уж слишком что-то тяжело на душе, словно тесно ей стало в его теле.

Семен подошел к открытой двери «Фольксавгена» и стал что-то рассказывать, сидящему за рулем человеку, несколько раз обернувшись на Саньку с Юраном. Потом тот человек плюнул Семену под ноги и хлопнул дверью. А Семен вернулся к «Жигуленку».

– В общем, так, парни. Вы подвели нас, – говоря так, он сунул руку в карман пиджака. – Подвели по крупному, – и устался на Юрана.

Юран сообразил, что за этим последует, метнулся в кусты, но убежать не смог. В руке у Семена оказался пистолет с глушителем.

Послышалось два негромких хлопка, и Юран уткнулся лицом в траву. А Санька не мог поверить в то, что происходит. И повернувшись к Семену, попросил:

– Не убивай, а? Лучше я в тюрягу сяду. Я никому не скажу. Гадом буду, – Он ляпнул то, что вот так сразу пришло на ум. Глянул на Юрана.

Семен улыбнулся и покачал головой. Наивный парень. Ну дает. Неужели и вправду уверен, что его отпустят живым. Это после такого.

– Извини, дорогой. Тюряга как-нибудь и без тебя обойдется, – сказал он и наставил ствол прямо Саньке на лоб.

Теперь Зуб хлопка не услышал. В ушах звенело от напряжения. Он только почувствовал, как что-то его толкнуло в лоб, отбросив назад, и тут же в голове ощутил невыносимую боль. И в глазах стало темно.

Покончив с Юраном и Зубом, Семен быстро запрыгнул в «Фольксваген», и круто развернувшись, машина помчалась, оставляя за собой столб пыли, медленно оседавшей на траву и листья деревьев.

* * *

– Ну вот и Академик нашелся, – сказал майор Туманов, заглянув в салон стоящей на поляне «восьмерки» с открытыми дверями.

Машину и два трупа возле нее, обнаружили отдыхающие. Не подозревая, что в машине находится еще один труп, они сразу позвонили в милицию, и Туманов выехал на место преступления в составе оперативной группы.

– Антоныч, – сказал Федор криминалисту, – ты тут осмотри все. Уверен, отыщешь «пальчики». Да поспеши, пожалуйста, пока братва не понаехала. Тогда и ОМОН не поможет их отогнать. Все затопчут тут.

Мушкаренко быстро сделал несколько фотоснимков, после чего труп Академика на милицейской машине отправили на стол к патологоанатому. Туманов несколько не сомневался, что если промедлит, то труп столь уважаемого в криминальном мире человека, может исчезнуть вместе с патологоанатомом. Поэтому попросил сделать вскрытие немедленно.

Да и трупы убитых парней вызывали беспокойство. Скорее всего, разгоряченная братва вырвет их из рук милиционеров, побросает на шоссе и, проехавшись сотнями колес, превратит в подобие блина.

Поэтому с ними Антонычу тоже пришлось поторопиться. Хотя даже при визуальном осмотре, ни у кого не вызывал сомнения тот факт, что оба погибли от пуль выпущенных из одного и того же пистолета. Пистолета «макарова». И когда появился первый гонец, Антоныч уже доканчивал со следами, которые остались на песке от протекторов «Фольксвагена».

Федору только оставалось удивляться, каким невероятным образом братве удалось узнать о том, что тут произошло.

– А они по запаху. Как коршуны, – пошутил Грек, наблюдая, как паренек, которому на вид было не старше двадцати, деловито осмотрелся и тут же улетел как бешенный, на своей «девяносто девятой» модели «Жигулей». Но не прошло и нескольких минут, как по дороге замелькала кавалькада из дорогих иномарок в сопровождении мощных джипов.

Антоныч глянул на все это безобразие и без настроения пошутил:

– Федор Николаевич, ты БТР с пушками на подмогу не вызвал?

На что от майора Туманова получил обнадеживающий ответ:

– БТР нет. А вот подводная лодка скоро прибудет.

Антоныч пожал плечами. Сейчас он был согласен на все, лишь бы не видеть эти рожи. Потому и сказал, несколько разочарованно:

– А что? Может лодка и в самый раз. Иначе как еще сквозь такой кордон проберемся. Вон их сколько, – кивнул он на дорогие иномарки.

Бойцы ОМОНа еще не подросли и встречать картеж воров пришлось самому майору Туманову. Следователь прокуратуры предпочел отсидеться в дежурном микроавтобусе. Хватаясь за переговорное устройство рации, он с визгом просил подмоги у кого только можно, выдавая происходящее за начало войны с криминалом. Хотя вору, по убеждению майора Туманова, вели себя достаточно корректно.

Проводив молодого сержантика к микроавтобусу со словами:

– Иди-ка, парень, побудь там, – к Федору подошли Грек с Ваняшиным. Пистолеты не доставали, но кобуры были расстегнуты, а руки напряжены. Если что, они сумеют постоять за своего старшего. Хотя и понимали, что такое три «макарова» в сравнении с полтора десятком «УЗИ», торчащими у охранников под пиджаками. Смешно сказать.

Но вору, тоже люди и уважают смелость ментов. Сразу определили, эти опера не псы, не убежали, не спрятались, поджав хвосты. И вору остановились метрах в десяти толпой.

Минуту, другую, молча смотрели на троицу смельчаков. И никто даже не посмел отвесить неллицеприятную шутку в адрес оперов. Отнеслись к ним с уважением.

Посоветовавшись, из толпы вперед вышел вор Козырь.

Из троицы ментов вышел Туманов. На лице ни малейшего испуга, хотя и понимал, эта толпа может в считанные минуты превратить его и всех ментов в грудку из мяса и костей. Потом рассестись по своим шикарным авто и спокойно удалиться отсюда. И, тем не менее, мент стоял перед ворами. Смотрел Козырю в глаза.

– Я вор, – представился Козырь. – Погоняло мое – Козырь, – сказал он, тяжелым взглядом измеряя Туманова на прочность. Был он с ним одного роста. А вот комплекции, пожалуй, побольше. Но встретив упорный взгляд мента, понял, такой не уступит. Будет стоять до конца.

– Я – майор Туманов, – соблюдая деликатность, представился Федор, но, как оказалось, это было лишним. Большинство воров прекрасно знали его. Знал и Козырь.

– Мы знаем тебя, майор, – сказал Козырь. – Наслышаны, что ты не только смелый мент, чему мы сейчас убедились с братвой. Но и порядочный. И если ты нам сейчас ответишь правдиво и отдашь тело Академика, мы уедем. Вот наше слово.

Федор решил, что лучше отвечать правдиво. Поэтому сказал:

– Отвечу. Спрашивай. Чего ты хочешь знать?

Воры попытались заговорить все разом, но Козырь поднял руку, чтобы не мешали. Потом спросил у Туманова:

– Где тело Академика?

Федор взмолился, чтобы патологоанатом закончил со вскрытием.

– Тело отправлено в институт судебно-медицинской экспертизы. Здесь его нет. Можешь пройти и убедиться. – Про двух убитых парней он пока решил молчать. Если Козырь не спрашивает его, зачем самому опережать события. Не в правилах опера распускать язык.

– Мы тебе верим. Мы сейчас поедем туда. Не думаю, что ты обманываешь нас, – прищурился Козырь. Пока у него не было оснований не доверять оперу. А, скорее всего, кто-то из воров уже звонил в институт, чтобы уточнить насчет Академика.

– И еще, – сказал вор, неторопливо растягивая слова, как будто потягивал пиво, и вся беседа между ним и Тумановым проходила не на поляне парка, а возле стойки бара. – Мы хотим знать, у кого поднялась рука на уважаемого человека. Хотим знать эту суку!

– Можешь мне не верить, но мы пока не знаем, кто это сделал, – ответил Туманов. И вор призадумался. Скрестив на животе руки, опустил голову в скорбном молчании. Потом сказал:

– Хорошо. Мы верим тебе. И мы сами найдем убийцу Академика, – он обернулся к толпе воров, и толпа громогласно возликовала, как восторженная чернь во времена Степана Разина, только лишь с той разницей, что тогда в основном бунтари использовали топоры да вилы, а теперь их современные предки – автоматическое оружие.

На негнувшихся ногах Федор подошел к Греку с Ваняшиным и обнял их, когда кавалькада воровских машин уехала. Долго они вот так стояли втроем и молчали. Только что они познали цену ментовской жизни, которая могла оборваться, как листик, подхваченный с дерева порывом ветра. Подхваченный, и унесенный навсегда в неизвестность.

Первым нарушил томительное молчание Федор, спросив:

– А куда вы дели трупы тех двоих?

Грек засмеялся. А вслед за ним и Ваняшин, указав на микроавтобус.

– Когда ты пошел встречать хлебом солью воров, мы успели затащить обоих в микроавтобус. Сейчас Антоныч сидит на них, – сказал Грек.

– Мы положили их под заднее сиденье, – добавил Ваняшин.

Туманов обернулся.

На заднем сиденье микроавтобуса сидел толстый криминалист Мушкаренко с красным потным лицом. Увидев, что Федор смотрит на него, Антоныч помахал рукой. А прокурорский следак выкочил как ошпаренный. Соседство с трупами, его не устраивало.

А Грек давясь от смеха, сказал:

– Представляешь, каково им сейчас лежать под его толстым задом?

И Федор не выдержал, засмеялся тоже. Хотя может быть само по себе, это и не смешно. Но нужно было как-то дать выход скопившемуся напряжению. Помогла бы водка. Но водки ни у кого не оказалось. И дружный смех троих оперов с успехом заменил ее. Все трое были как опьяневшие. Еще пробрало то, с какой поспешностью выскочил из автобуса прокурорский следак, возопив о том, чтобы идиоты менты немедленно вытащили трупы.

Оставшуюся половину дня капитан Греков с лейтенантом Ваняшным провели в парке. Но оставил их там Туманов не для прогулки. Майор дал указание опросить как можно больше работников парка. Вдруг, кто-то приметил что-то такое, что заинтересует сыщиков. А сам сломя голову помчался в институт судебно-медицинской экспертизы. И, как оказалось, вовремя.

Патологоанатом, производивший вскрытие, только обескуражено развел руками, рассказывая, как к ним подъехала демонстрация братвы, требующих выдать тело. Охрана с ними связываться не решилась.

– Пришлось отдать, чтобы не провоцировать конфликт, – сказал сухонький старичок с бородкой в белом халате. – Они же могли тут все разнести. Их столько было много, – с содроганием вспоминал он, не привычный к подобным эксцессам. – Да и зачем нам было держать его труп у себя. Мы сделали все, что надо. Вот заключение, – протянул он пару листов с отпечатанным на машинке текстом. – Они и заключение требовали отдать. Но я им всучил копию, – похвалился старичок.

– Вы сделали все правильно, – сказал Федор, поблагодарив старичка за смекалку. Представил, какое сейчас смятение царит у законных. Для вора такой величины, умереть, задохнувшись соплями – позорно. Куда было бы пристойней, если б Академик умер героической смертью от пули, выпущенной из ствола бандита отморозка. Тогда бы была не осрамлена его честь. Но, вероятно, приятели воры, среди криминала распустят слухи о совершенно другом диагнозе, и постараются выставить сопливого старика великим мучеником. Но так, или иначе, а к трупу Нельсона, прибавилось еще три трупа. Оперативникам быстро удалось установить личности застреленных парней. Оба не принадлежали к авторитетам преступного мира. Стало быть они – исполнители. За ними стоял кто-то посерьезней, и вот именно он, прикончил их. Но оставался один вопросик, на который бы Федору Туманову очень хотелось знать ответ: зачем понадобилось похищать Академика, можно сказать, среди белого дня у всех на виду? Немного поразмыслив, он пришел к заключению весьма пространному. Кому-то видно очень не терпелось поговорить с ним и даже очень может быть, что о тех деньгах, которые странным образом стали вдруг исчезать со счетов принадлежащих воровскому общаку. Теперь он очень жалел, что тогда допустил оплошность и оставил документы, собранные Нельсоном в своей машине, откуда они исчезли самым, что ни на есть варварским образом. И как не прискорбно признать, но получается, что за ним следили. А он даже не подумал об этом. И пострадал.

Федор постарался вспомнить до мельчайших подробностей его приезд на улицу писателя Некрасова. Он подъехал, но заезжать во двор, где стоял «Москвич», не стал. Машину оставил нарочно подальше. И остановившись, минут пять сидел в ней, курил и посматривал по сторонам. Но ничего подозрительного не обнаружил. Все-таки в оперативном деле не новичок. Конечно, и профессионалов наблюдения обнаружить не так-то просто. Но Тума-

нов готов был побожиться, что не было за ним слежки. Во всяком случае, когда он только подъехал.

Это на шоссе. Дальше он мысленно стал обходить территорию двора, такой, какой увидел ее, когда вошел под арку, соединявшую два дома. Он прошел по тротуару и повернул под арку. Вошел во двор.

Людей во дворе не было. За исключением этой сумасшедшей дворничихи, набросившейся на него, как хорошая, цепная собака. Но вряд ли эта сумасшедшая могла следить за ним. Чего бы ей тогда лезть на рожон? Не с ее умишком осуществлять такую тонкую работу. Да и внешние данные не соответствуют. Здесь чувствуется работа человека утонченного, а главное, искушенного в своем мастерстве.

И Федор призадумался о той милой кудряшке в короткой юбочке, сидевшей на лавочке. Он, еще тогда пораскинув мозгами, почему-то решил, что пришла она к Нельсону на встречу, которую он ей назначил на конспиративной квартире. Странная мысль. И с чего он так решил? Сюда больше подходит другое. Она ждала кого-то, кто должен прийти за документами. Не знала, где они лежат. Но ждала, что придет человек, и будет рыскать по той квартире. А она потом проследит за этим человеком. И она проследила. Вот хитрая лиса. Обставила майора Туманова, как мальчишку. Хотя почему обставила? Можно считать, что он сам обгадился. И обгадился довольно здорово, оставив папку с документами в своей машине. Идиот! Дурак! Кретин! Подвел Нельсона. Все его старания свел на нет. Должен, должен был предположить, что кто-то за ним может следить и попытается завладеть папкой. Ведь видел же ее прекрасную физиономию, когда садился в свою машину. Глянув в зеркало на двери, заметил кудряшку выходящей из-под арки. Вот тебе и приятная женщина. Милое создание. А создание-то, оказалось совсем не милым. Эх, Туманов, Туманов.

– Вот, сука! – обозвал ее Федор, вспоминая, как поначалу молодая женщина ему даже понравилась, и он еще обиделся, что она, словно сытая до мужиков самка, не обращает на него внимания.

Да лучше бы она не видела его вообще. Зараза. И кудри у нее, скорее всего, обыкновенная химия. Теперь Федор старался отыскать в ее лице, фигуре и стройных ножках, все только самое плохое. И не получалось. Такой тип женщин был привлекателен у мужчин. Видно и эта кудряшка далеко не обделена мужским вниманием, потому и показалась Федору сытой самкой. Или только делала вид.

« Но, так или иначе, а не худо бы отыскать эту самочку,» – решил Федор, попутно мучаясь над вопросом, является ли кудряшка агентом ФСБ, или представительницей криминала. Вернее, на его взгляд, было первое. Хотя утверждать, что-либо, было преждевременно. Сперва надо отыскать симпатюлю и хорошенько с ней побеседовать.

Тут же Федор поймал себя на мысли, что и от беседы с ней в постели он бы не отказался. Судя по ее тонкой талии и круглой попе, кудряшка довольно развитая в сексуальном отношении и подмахивает так, что дай бог каждой. И никакой обруч крутить не надо, чтобы занять такую фигуру. Эту бы дворничиху толстуху к ней на выучку. Вот где бы согнала жирок.

* * *

Приехав в управление, Федор обнаружил отсутствие своего доблестного войска. Ну, с Ваняшиным все понятно. Молодой, горячий жеребчик. Девочек меняет, как перчатки. Теперь за ним и Грек потянулся. А ведь мужику уже под сорок. И Федор готов был поспорить, что Грека при таком раскладе, на долго не хватит. Сам же жаловался, сидя вот тут, что нашел сексуальную хищницу, которая изводит его почти каждую ночь. Интересно бы на нее глянуть. Что за небесное создание?

В кабинет к Туманову постучали. Это удивило. Время половина седьмого. Уже все свободные от дел оперативники разбежались, а посетителей быть не должно. Все бы дежурный сообщил, если бы к майору Туманову кто-то пришел. Значит, это кто-то из своих. А кто, кроме эксперта старика Антоныча может быть таким вежливым, таким тактичным, что прежде чем войти, обязательно постучит.

– Входи, Антоныч, – крикнул Федор. Дверь открылась, и в кабинет вошел главный эксперт криминалист. Устало сел, не побрезговав стулом для особо подопечных этого кабинета. Просто у него были подлокотники, что особенно нравилось Антонычу. А сиденье на жестком деревянном стуле – лучшее средство от геморроя. Так он говорил.

– Как ты узнал, что это я? – спросил Антоныч, вытирая платочком пот с лица. А Федор решил над ним пошутить, сказал:

– А у меня глазок скрытый в двери стоит. Весь коридор как на ладони. Глянул, и, пожалуйста, видно, кто там. Вот я тебя и увидел.

– А-а, – протянул Антоныч, добродушно улыбнувшись, потом сказал: – Смотрю, твои орлы разбежались уже. Ткнулся, а у них закрыто.

Затянувшись сигаретой, Федор кивнул головой.

– Во всем управлении только мы с тобой остались. Ты-то чего не ушел?

Антоныч невесело улыбнулся.

– А куда мне спешить. Дома, все равно никто не ждет. Да и привык я уже. Иной раз и ночевать остаюсь здесь, – засмеялся он. – А чего ноги топтать. Там у меня в кабинете диванчик стоит. Мне места хватает. Ну, да ладно. Чего тебе молодому, мои стариковские болячки. Я вот чего зашел-то, Федор Николаевич. Мы экспертизу сделали. Так вот из пистолетика убитого Зубова, был застрелен водитель «Мерседеса».

– Что ж, выходит, сомнений нет. Это они напали, а затем и похитили вора Академика, – призадумался Туманов.

– Получается так. А вот умер он от их неосмотрительности. Рот ему заклеил кто-то из них, – добавил Антоныч. – Ужасная смерть.

– А потом кто-то убил и их самих, – сказал задумчиво Федор, еще раз пожалев об утраченных документах собранных капитаном ФСБ Нельсоном. Наверняка, в них была зацепка.

– Во всяком случаи, ясно одно. Это не месть, – заметил Антоныч, и Туманов нашел его замечание довольно справедливым.

– Для мести его не надо было похищать. У них была возможность пристрелить его там. Он нужен был для другого. Кто-то очень умный, хитрый, захотел обстоятельного разговора с ним. Но разговор не получился, по причине, что парни лопухнулись. Их самих, в том или ином случаи, все равно бы застрелили. Чтоб они не распустили языки. Но вот что меня заинтересовало, Антоныч. Академик сам задумал инсценировать свое похищение, подбил на это дело Баскакова и вдруг находится кто-то другой, кто это осуществляет. Он как будто знал об инсценировке и опередил Баскакова. А может так вышло случайно?

– При хорошей слежке узнать подобное, нет ничего проще, – вставил Антоныч, и Федор с ним охотно согласился:

– Правильно. Можно узнать. За Академиком наблюдение осуществлял капитан Нельсон. Но он убит. Убит на моих глазах, – Федор вспомнил, как это все произошло. – Воры, судя по тому, как они восприняли исчезновение Академика и его смерть, не осуществляли таких действий.

– Выходит, Федор, есть кто-то еще, кто интересовался Академиком. И вел за ним наблюдение. И этот кто-то вполне располагает умением и средствами для ведения подобной работы. Вот в этом направлении и надо искать, – подумав, выдвинул эксперт свое предположение, которое ничем не отличалось от предположения майора Туманова.

– Воры. ФСБ. А между ними я, всего лишь простой мент, – в голосе майора слышалось едва заметное отчаянье, на которое Антоныч отреагировал чем-то вроде похвалы:

– Ты не просто мент. Ты – опер. И будь готов ко всему. Воры. ФСБ. Но есть еще и кто-то другой, кто пока остается в тени. И ты никогда не забывай об этом. Вот его и надо искать, Федор.

* * *

Федор вернулся домой и обнаружил, что Даши еще нет. Подождал час и обеспокоенный ее отсутствием, позвонил родителям.

К трубке подошла ее мать и несколько в категоричной форме заявила, раз ее дочь живет с ним, то он и должен знать, где она. А под конец недолгого, но порядком нудного разговора, все же не упустила сказать, что сегодня дочка вообще не приходила к ним.

Федор обозвал будущую тещу крысой. Правда, когда уже положил трубку на аппарат. Несколько раз он пытался позвонить ей на сотовый, но потом вспомнил, что еще утром, перед тем как уйти на работу, Даша говорила, что нужно покупать новую карточку, а то денег на счету уже не осталось. «Наверное, не купила,» – решил Федор. Но сидеть просто так дома и ждать, было невыносимо. И он вышел на улицу. Его «Шестерка» стояла на площадке рядом с домом. Но Федор решил прогуляться пешком. Почему-то решив, что Даша непременно поедет на метро, он пошел к подземному переходу, и вдруг остановился, увидев впереди белую «девятку».

Свет уличного фонаря падал так, что Федор оставался в тени. Но, чтобы уж совсем не дать обнаружить себя, он вошел в кабину телефона автомата. И оттуда стал наблюдать за «девяткой».

Рядом с водителем в салоне «девятки» сидела Даша. Причем, по выражению ее лица, Федор не заметил, чтобы она торопилась. Они о чем-то разговаривали, и Даша улыбалась. Федору даже показалось, что сейчас ее лицо просто сияет от счастья. По крайней мере, с ним, она редко выглядит такой счастливой. Уж за это он мог поручиться.

– Видно, неплохо провела время, – прошептал он, испытывая прилив ревности и обиды одновременно. Ведь могла позвонить, предупредить, что задержится. Почему же такое бессердечие? А он ждет.

Даша взялась за ручку и чуть приоткрыла дверь, что-то сказала мужчине сидящему за рулем. И тут Федор чуть не задохнулся от приступа ревности, потому что увидел, как мужчина наклонился и вдруг поцеловал Дашу. При этом на ее лице Федор не заметил возмущения.

Такого Федор не ожидал. Вот они телефонные звонки, когда он подходит, снимает трубку, а в ответ тишина. Вполне, может статься, что звонит этот товарищ. Ну, Дашка. Хороша же ты после этого.

Он увидел, что Даша вылезла из машины и, помахав сидящему в ней мужчине рукой, быстро направилась по тротуару в его сторону. Федор отвернулся. Быстро схватив трубку, прижал ее к уху, делая вид, что звонит, тыкал пальцами наугад в кнопки с цифрами. Гудков в трубке не слышал. Казалось, удары сердца заглушают их. А в голове крутится одна и та же мысль о женской неверности. А ведь он был уверен, что его Даша не такая, не способна на подлость. И ошибся.

Ему захотелось рассмотреть номер «Жигуленка». Но как назло мимо проезжал маршрутный автобус, и получилось так, что он загородил «девятку» набиравшую скорость. Моргнув Даше фарами, машина умчалась. Даша свернула за угол к подъезду, а Федор так и остался стоять в телефонной кабине, чувствуя в душе опустошенность. Домой идти не хотелось. И только холодный дождь, который стал накрапывать из наплывшей с севера огром-

ной, вскоченной как медведь, тучи, заставил его вспомнить о доме. Хотя ноги не шли туда, где она.

Федор поплелся к подъезду. И за каких-то двести шагов, он успел вымокнуть до нитки. Звонить не стал. Все-таки, это его квартира и у него всегда был ключ от нее. И лучше, если он откроет сам.

Ключ лежал в кармане. Федор достал его и отпер дверь.

Даша плескалась в ванне. В другой бы раз Федор обязательно зашел бы к ней. Иногда они занимались с Дашей сексом в ванне. Ей это доставляло удовольствие. Хотя Федор предпочитал лучше делать это на кровати. Но сейчас он прошел мимо двери, за которой слышались тихие убаюкивающие всплески. Заглянул к ней в сумочку.

Ее сотовый лежал там, но был отключен. Вот почему она не отвечала на его звонки. Не хотела, чтобы ее беспокоили. Эх, Дашка, Дашка.

Услышав, что он вернулся, Даша озабоченно спросила:

– Федор, это ты?

Глупый вопрос до невозможности. Кто еще может зайти, если ключ от квартиры только у нее и него. Зачем тогда спрашивала?

– Я, – ответил Федор и прошел в кухню, где на столе в кофеварке был еще не остывший кофе. Федор налил чашку и выпил прямо так, не сладкий. Хотелось взбодриться. А горький кофе как раз подошел для этого. И Федор налил еще чашку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.